

47
312

КАКЪ ЖИВУТЬ САРТЫ.

Э. С. Вульфсонъ.

Цена 30 коп.

МОСКВА.
Издана книгоиздательницей А. С. Панфиловой. Лянгъ пер., соб. д.
1908.

ГДѢ НА РУСИ КАКОЙ НАРОДЪ ЖИВЕТЪ И ЧѢМЪ
ПРОМЫШЛЯЕТЪ.

47
312

КАКЪ ЖИВУТЪ

≡ САРТЫ. ≡

Э. С. ВУЛЬФСОНЪ.

МОСКВА.

Издание книгоиздательницы А. С. Панафиной.

Лининъ пер., соб. домъ.

1908.

Какъ живутъ сарты.

ГЛАВА I.

„Куда какъ упоренъ въ трудѣ
человѣкъ!
Чего онъ не сможетъ? Лишь
было-бъ терпѣнье“.

И. Аксаковъ.

Общій видъ Туркестана.—Поля и ихъ орошеніе.

И УДНАЯ картина! Изумленный путникъ смотритъ и не вѣритъ своимъ глазамъ: судьба занесла его въ Туркестанъ, онъ ѣдетъ по безводной, песчаной степи, которую, казалось, самъ Господь осудилъ на вѣчное безплодіе—и вдругъ вдали замелькали какія-то пространныя зеленныя пятна. Вотъ подвигается

11689-40

Товарищество типо-литографин Владиміръ Чичеринъ въ Москвѣ
Марьинскій участокъ, соб. домъ.

1907.

онъ ближе и ближе, пятна растутъ и ширятся, и неожиданно передъ его изумленнымъ взоромъ вырастаетъ огромный цвѣтущій участокъ, мелькаютъ поля, сады, вырисовывается вдали незнакомый городъ.

Прежде всего потянулись отдѣльные просторные участки съ незагороженными полями, засѣянными хлѣбомъ, хлопчатникомъ и мареной*). Но вотъ путникъ подвигается дальше, и эти отдѣльные участки уже начинаютъ мельчать, но зато тщательнѣе обработаны; все чаще попадаются теперь поля, огороженные невысокими глинобитными заборами, изъ-за которыхъ высятся тутъ**), тополь, таль и другія тѣнистыя деревья, мѣстами же темнѣютъ и раскидистыя вершины исполинскихъ грецкихъ орѣховъ. Поля промелькнули, и на смѣну имъ потянулись огороды, засѣянные дынями, арбузами, лукомъ, морковью и прочей благодатью; тамъ дальше пошли посѣвы табака, а вонъ показался и виноградникъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ рѣже и рѣже попадаютъ теперь незагороженные поля, и каждый отдѣльный участокъ обсаженъ по обводу высокими, раскидистыми деревьями, въ одинъ или два ряда. И чѣмъ ближе подвигается путникъ къ городу,

*) Красильный корень.

**) Шелковичное дерево.

тѣмъ рѣже встрѣчаются уже хлѣбныя поля, но зато все чаще мелькаютъ пространствѣ огороды и виноградники.

Давно уже молчаливая картина цвѣтущей природы оживилась, и по дорогѣ стали попадаться конные и пѣшіе люди; тамъ и сямъ тянутся туго нагруженные арбы*); порою загорѣлый сартъ, развалившись въ пустой арбѣ, лѣнливо понукаетъ разморившуюся на лѣтнемъ зноѣ лошаденку, время отъ времени затягивая свою заунывную, тягучую пѣсню; но нестерпимая жара донимаетъ и его, и, оборвавъ на полусловѣ, онъ снова принимается подгонять задремавшую на ходу кляченку.

Вонъ замелькали по сторонамъ теперь уже сплошные сады, засаженные виноградомъ, грушами, яблоками, сливами, черешнями, гранатами, орѣхами, и сады эти, какъ и раньше поля, окаймлены въ одинъ или два ряда тутомъ, тополями и карагачевыми деревьями**). Путникъ глядитъ и не налюбуется: непривычны его глазамъ такіе богатые дары природы, такая цвѣтущая, роскошная картина! Но вотъ, наконецъ, за садами показался и самый городъ.

И тутъ все ново для человѣка, впервые попавшаго въ Туркестанъ изъ какой-нибудь великорус-

*) Двухколесная телѣга, употребляемая восточными народами.

**) Ильмъ полевой.

ской губе. Улицы такъ тѣсны и узки, что порою встрѣтятся, напримѣръ, двѣ арбы, а разъѣхаться такъ трудно, что приходится задѣвать концами осей за заборы и стѣны домовъ. А можно встрѣтить и такую картину: съѣхались двое на тѣсномъ мѣстѣ, да такъ разъѣхаться и не могутъ; помаются-помаются, поспорятъ, погорячатся, а тамъ, смотришь, кто поразумнѣе, и начнетъ осаживать лошадь назадъ, вплоть до перваго переулка, куда и сворачиваетъ; тѣмъ временемъ другой и проѣдетъ своимъ путемъ.

По обѣимъ сторонамъ такихъ узкихъ улицъ тянутся сѣрыя глинобитныя стѣны сартовскихъ домовъ; по большей части, дома здѣсь одноэтажныя, безъ оконъ на улицу, съ плоскими землянымъ крышами. Унылый видъ этихъ глухихъ стѣнъ непривыченъ для русскаго глаза. А вотъ кучка чумазыхъ ребятишекъ безпечно разсѣлась посреди улицы; дѣти преспокойно забавляются, копошась въ пыли, но, откуда ни возмись, проѣдетъ арба и вспугнетъ ихъ какъ стаю воробьевъ; хорошо еще, что сартъ не привыкъ ѣздить шибко, а то бы не миновать бѣды его безпечнымъ ребятишкамъ.

Вонъ изъ переулка показалась сартянка, въ своемъ сѣромъ длинномъ накинутомъ на голову халатѣ съ узкими предлинными рукавами, которые почти волочатся по землѣ; лицо ея плотно закрыто

черною волосяною сѣткой, и лишь стройный, гибкій станъ выдаетъ ея молодость и здоровье. За ней спѣшитъ другая, а тамъ еще двѣ съ крошечными ребятами на рукахъ. Всѣ онѣ спѣшаютъ на базаръ, и у каждой на головѣ узелъ съ шелковичными коконами. Молча подвигаются онѣ своею плавною торпливой поступью, и съ непривычки кажется, глядя на эти таинственно закрытыя лица, что не люди это идутъ, а какія-то заведенныя куклы.

Нашъ путникъ подвигается дальше. Вотъ показался справа домъ, не совсѣмъ похожій на остальные сартовскіе дома: плоская земляная крыша раскрыта съ восточной стороны; изнутри виднѣются рѣзные столбы, пестро раскрашенный потолокъ, бѣлыя оштукатуренныя стѣны; входная калитка снизу, на аршинъ отъ земли, загорожена рѣшеткой. Заинтересованный путникъ обращается къ возницѣ и узнаетъ, что зданіе это—*мечеть* *), рѣшетка же сдѣлана для того, чтобы въ священное мѣсто не могли проникнуть животныя. Приходящіе на молитву сарты должны перелѣзть черезъ эту рѣшетку.

Однако, улицы становятся люднѣе; все чаще, несмотря на страшный полуденный зной, попадаютъ сарты—пѣшіе, верхомъ и въ арбахъ; одѣтые

*) Магометанскій храмъ.

въ свои ситцевые, тиковые, а порою и шелковые халаты, съ бѣлыми чалмами *) на головѣ, они представляютъ пестрое, красивое зрѣлище для незнакомаго съ краемъ путешественника.

Все оживленнѣе и люднѣе становится на улицахъ; откуда-то со стороны доносится протяжный крикъ верблюда, ржаніе коней, неясный гулъ многихъ сотенъ людскихъ голосовъ, рѣзкій стукъ кузнечныхъ молотовъ... Все ближе и ближе гулъ, все явственнѣе становятся голоса, и передъ удивленными глазами путника развертывается вдругъ новая картина—туземный базаръ.

Тутъ уже простора больше, и улицы гораздо шире, чѣмъ въ остальной части города. По сторонамъ, подъ маленькими камышевыми навѣсами, тянутся всевозможныя лавки и лавченки. Чего только тутъ нѣтъ! Здѣсь торгуютъ и работаютъ портные, мѣдники, серебряники, сѣдельники, шорники и кузнецы. Вотъ лавка съ разнымъ мелочнымъ товаромъ бокъ-о-бокъ съ мясной; тутъ же рядомъ торгуютъ дынями, морковью, лукомъ, перцемъ, масломъ, рисомъ, табакомъ и пр. товаромъ. Чуть поодаль выдѣлываютъ шубы, по сосѣдству съ ма-

*) Головной уборъ сартовъ; онъ состоитъ изъ куска ткани, обыкновенно бѣлаго цвѣта, который навивается на голову и ложится красивыми, пышными складками.

ленькою невзрачной лавченкой, гдѣ продаются пельмени и пирожки; за нею книжная лавка, а тамъ цѣлая вереница палатокъ, гдѣ торгуютъ войлоками,

волосяными арканами, шерстяными мѣшками и прочими издѣліями сартовскаго искусства. А вонь и красный товаръ: яркіе ситцы, кумачи, платки и тики такъ и пестрятъ и слѣпятъ глаза; сарты—мужчины и женщины—страстные охотники до матерій самыхъ яркихъ цвѣтовъ, съ крупными узорами.

Вотъ вокругъ стараго сарта собралась толпа зѣвакъ; на цѣпочкѣ у него ученая обезьяна, которую онъ заставляетъ продѣлывать самыя потѣшныя штуки. Она лихо пляшетъ, показываетъ, какъ ходитъ солдатъ съ ружьемъ, какъ охотникъ подкрадывается къ добычѣ, а неприхотливые зрители помираютъ со смѣху. Неподалеку, въ чайной лавкѣ, нѣсколько разодрѣтыхъ сартовъ благодумствуютъ за чаемъ и курятъ кальянъ*) съ длиннымъ тростниковымъ чубукомъ. Вблизи разносчикъ съ халвой и разными сладостями, раскисшими на знойномъ солнцѣ, выкрикиваетъ свой товаръ, всячески расхваливая его.

Вотъ опять пошелъ рядъ лавокъ съ пуговицами, тесемками, румянами и бѣлилами, грошевыми зеркальцами и всевозможною мелочью, а тамъ по стѣнамъ развѣшаны куски атласа, канауса и другихъ шелковыхъ матерій. То и дѣло снуютъ мимо этихъ приманокъ закутаннныя сартянки, и завистливые

*) Приборъ для куренія табаку, употребляемый восточными народами; въ немъ дымъ проходитъ черезъ воду.

глаза ихъ такъ и горятъ подь густою черною сѣткой... До страсти любить туземная женщина наряды и всякую мишуру!

Путникъ нашъ миновалъ, наконецъ, базаръ. Снова пошли узкія, почти безлюдныя улицы. А солнце такъ и палитъ. Но вотъ вдругъ откуда-то потянулась душистая струйка: городъ кончился. Спять замелькали сады, огороды и поля, а тамъ вдали, на десятки верстъ, снова протянулась безводная песчаная степь. Кругомъ ни души живой, ни одного человѣческаго жилья... Лишь степныя птицы шумною вереницей тянутся по ярко-синему небосклону, громкимъ крикомъ оглашая неподвижный, раскаленный отъ зноя воздухъ.

Мы распростимся съ нашимъ путникомъ и, пожелавъ ему счастливаго пути, посмотримъ: какимъ же чудомъ ухитрится обиженный Богомъ сартъ разводить на своей бесплодной землѣ цвѣтущіе участки и жить, не только не унывая, а подчасъ и припѣваячи.

Представьте себѣ безконечную пустыню, гдѣ на сто съ лишнимъ верстъ едва-едва встрѣтишь одну рѣку или озеро. Какъ тутъ быть, какъ воздѣлывать такую землю? Посмотришь на эту скудную, мертвую почву—махнешь рукой и невольно подумаешь:

нѣтъ, не видать ей сохи, не жить на ней чело-
вѣку! Но сарты не убоились труда и ухитрились
помочь обидѣвшей ихъ природѣ: они прорыли ис-
кусственные каналы различной величины и провели
въ нихъ воду прямо изъ рѣкъ и озеръ. Не-подъ-
силу, конечно, такая работа каждому отдѣльному
человѣку, а взялись за нее всѣмъ обществомъ —
міромъ.

Эти оросительные каналы, по-мѣстному *арыки*,
точно сѣткой покрываютъ землю сарта. Сначала,
прямо изъ рѣки или озера проводится главный
каналъ, отъ него по бокамъ идутъ меньшіе каналы,
отъ этихъ еще меньше и такъ далѣе. Подобно
дереву, вѣтви котораго, чѣмъ дальше отъ главнаго
ствола, становятся все тоньше и тоньше, и каналы
эти дробятся и развѣтвляются на безчисленное
множество мелкихъ канавъ. Въ то же время, при
помощи особыхъ отводныхъ протоковъ, всѣ эти ка-
навы собираются въ одинъ или нѣсколько боль-
шихъ рукавовъ, откуда вода снова возвращается
въ главный каналъ. Для спуска воды служатъ
плотины, которыя устраиваются при самой вершинѣ
каналовъ и канавъ.

Нелегко приходится земледѣльцу-сарту при та-
комъ способѣ обработки земли! Каждый годъ всѣ
каналы до самыхъ мельчайшихъ канавокъ должны
расчищаться, и начинается эта неустанная, кро-

потливая работа еще раннею весной: сначала, въ
концѣ феврала, расчищаются мелкія и боковыя
канавы, а потомъ уже, въ мартѣ мѣсяцѣ, и главный
каналъ. Такая очередь установлена для того, чтобы
каждый земледѣлецъ, лишь только наполнится глав-
ный каналъ, могъ бы тутъ же и пустить воду на
свои пашни. Какъ только заканчивается чистка
каналовъ, тотчасъ же разрываются плотины, но не
разомъ, а постепенно, смотря по напору воды и
по тому, сколько требуется напустить ея въ боко-
выя канавы. Въ главномъ каналѣ вода держится
круглый годъ, но позднею осенью уровень ея на-
столько понижается, что боковымъ канавамъ съ
этого времени уже нечѣмъ питаться, и онѣ высы-
хаютъ до слѣдующей весны. На зиму запружаются
только тѣ каналы, которые подвержены внезапнымъ
приливамъ воды.

Бываютъ порою случаи, когда плотинами поднять
воду нельзя; тогда на помощь приходитъ особый
водоподъемный снарядъ. Онъ состоитъ изъ колеса съ
прикрѣпленными къ нему небольшими сосудами,
которыя и зачерпываютъ воду. Двигается этотъ
снарядъ при помощи двухъ зубчатыхъ колесъ; изъ
нихъ одно приводится въ движеніе животнымъ.
Иногда вмѣсто колеса употребляется прямо простой
черпакъ, какъ на нашихъ баржахъ.

Тамъ, гдѣ поблизости имѣется рѣка, порою

обходятся и безъ канавъ. Но случается это рѣдко и то только тогда, когда послѣ весенняго разлива рѣка сама отходитъ въ свои берега, а послѣ себя оставляетъ плодородный иль.

Мы уже знаемъ, что сарты воздѣлываютъ свою землю не въ одиночку, а всѣмъ обществомъ: устроить цѣлую сѣть каналовъ и затѣмъ каждую весну чистить и исправлять ихъ—дѣло, вѣдь, не легкое и не-подъ-силу отдѣльнымъ землепашцамъ, да и стоило бы очень дорого. И вотъ лишь только общество начинаетъ дѣлить землю, каждый желающій получить участокъ обязанъ представить сначала пару воловъ, запряженныхъ въ соху, необходимыя ручныя орудія и при всемъ этомъ одного рабочаго. По-туземному весь этотъ нарядъ для работы называется *кошемъ*. Сколько кто представитъ кошей, столько же получитъ онъ и участковъ; конечно, богатый снарядитъ и нѣсколько такихъ кошей, а у иного горюна и одного не наберется. Такіе бѣдняки соединяются по нѣсколько человекъ вмѣстѣ и въ складчину содержатъ одинъ только кошъ. За каналами наблюдаютъ особыя надсмотрщики.

Когда наступаетъ время полевыхъ работъ, надсмотрщики эти рѣшаютъ, какая часть земли отдохнула подъ паромъ и годится для обработки. Передъ началомъ работъ они расхаживаютъ по всѣмъ улицамъ, оповѣщая жителей, что желающіе получить

землю должны въ такой-то день явиться вмѣстѣ съ своими кошами на назначенное мѣсто.

И вотъ, лишь только наступаетъ условленный день, каждый земледѣлецъ отправляетъ свой кошъ на отведенное ему мѣсто и принимается за расчистку и исправленіе канавъ. Когда дѣло это окончено и поля уже совсѣмъ приготовлены для обработки, тогда вся земля дѣлится на участки по числу кошей: сколько выходило на работу кошей, столько же, стало-быть, будетъ и участковъ.

Когда все поле уже подѣлено на участки, тогда начинаютъ ихъ дѣлить между земледѣльцами. Дѣлежка эта производится по жребію: приглашаютъ какого-нибудь совсѣмъ непричастнаго къ дѣлу человека, и каждый владѣлецъ коша бросаетъ къ нему въ полу свой значокъ. Затѣмъ, значки перемѣшиваются и раскладываются прямо по участкамъ: на какой участокъ чей значокъ легъ, тому онъ и достается. По обычаю, владѣльцу нѣсколькихъ кошей общество отводитъ, обыкновенно, смежныя участки. Нечего говорить, что въ смыслѣ цѣнности всѣ участки совершенно равны: общество зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы при раздѣлѣ одному не досталось лучшей земли, чѣмъ другому.

Но вотъ, наконецъ, участки, съ помощью Божіей, подѣлены уже, и каждый приступаетъ къ работѣ; посмотримъ теперь, въ какомъ порядкѣ

сартъ обрабатываетъ свою землю. Прежде всего онъ вспахиваетъ ее, унавоживаетъ, а потомъ уже спускаетъ на нее воду; когда вода простоятся, какъ слѣдуетъ, тогда онъ принимается за бороньбу. Па-шутъ сарты не на лошадяхъ, какъ у насъ, а на парѣ быковъ, иногда даже и коровъ; вмѣсто нашего плуга употребляется деревянный брусъ съ желѣзнымъ наконечникомъ, который прикрѣпленъ къ длинному дышлу. Для запряжки, къ концу этого дышла привязывается бревно около сажени длиною, съ веревками по концамъ. Это-то бревно и служить ярмомъ для быковъ, которыхъ привязываютъ къ нему веревками.

Какъ мы уже раньше говорили, за каналами наблюдаютъ особые надсмотрщики. Въ теченіе всего лѣта, два раза въ недѣлю пускаютъ они воду поочередно на каждый участокъ. Для того чтобы никого не обдѣлить, эти надсмотрщики требуютъ, чтобы тотъ, кому вода не очень нужна, за-дѣлывалъ бы у себя канавки и отнюдь не пускалъ бы въ нихъ воду безъ ихъ разрѣшенія.

Существуетъ у сартовъ любопытный обычай: кто разведетъ на своемъ участкѣ садъ или обнесетъ его оградой, выстроить на немъ домъ или же засѣетъ его *джунушкою* *), тотъ получаетъ этотъ участокъ уже *въ полную собственность*. Но все-таки такой новый владѣлецъ обязанъ по-прежнему отпра-

*) *Джунушкою* наз. родъ клевера.

влять на общественныя работы по кошу за каждый участокъ. А когда поле его будетъ отдыхать подъ паромъ, то онъ обязанъ провести къ нему постоянный каналъ и уже самъ, на свой страхъ, поддерживать его. Осенью, когда кончаются полевая работы, всѣ канавы, орошавшія поля, закладываются глиною, и только по главнымъ арыкамъ (каналамъ) продолжаетъ течь вода. Но вотъ проходитъ недолгая въ томъ краѣ зима, и въ концѣ февраля, смотришь, опять тянется трудолюбивый сартъ со своимъ кошемъ въ поле, опять чиститъ и исправляетъ онъ свои неизмѣнные арыки, безъ которыхъ немислимо было бы тамъ ни земледѣліе ни даже самое существованіе его. Такой способъ орошенія обезпечиваетъ пахарю урожай, затопляетъ сѣмена саранчи, которая здѣсь, въ Средней Азіи, не опустошаетъ такъ поля, какъ у насъ; наконецъ, благодаря проведеннымъ каналамъ, сухой воздухъ безводной степи становится болѣе влажнымъ, безъ чего трудно бы было выжить тамъ человѣку.

Такъ вотъ, стало-быть, какъ умудряется много-герпѣливый сартъ разводить въ своей мертвой песчаной пустынѣ цвѣтуція поля, прекрасные сады и огороды. Не чудомъ, а долгимъ кропотливымъ трудомъ добивается онъ этого, помня заветы своего пророка Маомета, который говоритъ, что трудъ пахаря есть одно изъ самыхъ благороднѣйшихъ занятій на землѣ.

ГЛАВА II.

Вѣрованія сартовъ.—Праздники и посты.—Суевѣрія.

АКЪ мы уже раньше упоминали, сарты исповѣдуютъ магометанскую вѣру. Все ученіе ихъ изложено въ священной книгѣ, называемой *Кораномъ*, которую написалъ пророкъ Магометъ, основатель магометанской религіи.

Коранъ заключаетъ въ себѣ не только молитвы и правила духовной жизни человѣка, но и всевозможныя житейскія правила на все случаи обыденной жизни. Задумаетъ ли, на примѣръ, сартъ купить на базарѣ барана, онъ уже по привычкѣ приглашаетъ двухъ свидѣтелей: вѣдь, такъ велитъ Коранъ, да и дѣды и отцы его поступали точно такъ же. Вотъ почему и вся торговля на базарѣ продолжается отъ восхода до заката солнца: Коранъ запрещаетъ ночную торговлю.

Вотъ подходитъ трудная пора для сарта: до зарѣза нужны ему деньги—нечѣмъ подати заплатить; идетъ онъ къ сосѣду признаться. И на этотъ случай даетъ ему Коранъ такого рода наставленіе:

„Вѣрующіе! Когда вы другъ у друга дѣлаете долги на срочное время, то для засвидѣтельствванія призовите двухъ свидѣтелей изъ мужчинъ между вами; а если мужчинъ не будетъ, то пусть будутъ свидѣтелями мужчина и двѣ женщины, какихъ вы заблагоразсудите, для того чтобы, когда одна изъ нихъ ошибется, другая, которая-либо изъ двухъ, напомнила“.

И на все случаи семейной жизни также есть свои правила въ этой главной священной книгѣ магометанъ: какъ должны относиться мужъ и жена другъ къ другу; когда закономъ разрѣшается разводъ; какъ обязанъ отецъ дѣлить наследство между дѣтьми; какъ обращаться съ сиротами—и многое другое. Нѣтъ, словомъ, такого случая въ жизни, хотя бы самаго мелкаго, на который нельзя было бы найти указанія въ Коранѣ; даже такія мелочи, на примѣръ, какъ поступъ и говоръ человѣка, и то затронуты въ этой мудрой книгѣ. Вотъ какъ учитъ Коранъ: „Походка твоя пусть будетъ скромная. Говори голосомъ тихимъ, такъ какъ самый непріятный изъ голосовъ есть голосъ осла“. Поэтому-то каждый мало-мальски почтенный сартъ ходитъ

плавно, не торопясь, и не только избѣгаетъ пѣнія, пляски, свиста, но старается также и говорить тихо.

Какъ и у всякаго другого народа, въра у сартовъ оберегается, главнымъ образомъ, духовенствомъ. У магометанъ духовенство не рукоположенное, а на духовныя должности назначаетъ или правительство, или же выбираетъ само населеніе. Точно такой же порядокъ существовалъ еще и при ханахъ, т.-е. до завоеванія края русскими; и тогда также церковно-служителей назначали или сами ханы, или же выбирали ихъ жители.

Каждый грамотный сартъ, умѣющій читать и писать, получаетъ, согласно магометанскому закону, званіе *муллы*, что по-арабски означаетъ „учитель“. А тѣ лица, которыя, кромѣ того, еще изучили и главнѣйшія духовныя книги, носятъ названіе *улема*, что означаетъ „ученый“ или „богословъ“. Храмъ, куда стекаются для моленій сарты, называется *мечетью*. Весь причтъ въ каждой мечети состоитъ всего на все изъ двухъ духовныхъ лицъ: *имама* (въ родѣ нашего священника) и *азанчи*.

Имамъ обязанъ каждый день служить въ мечети всѣ положенныя закономъ службы, а обязанность азанчи состоитъ въ томъ, что за нѣсколько минутъ до начала богослуженія онъ громко выкрикиваетъ призывъ къ молитвѣ, собирающій вѣрующіхъ въ

храмъ Божій. Кромѣ того, онъ же наблюдаетъ еще и за чистотой въ мечети.

Выбирается причтъ населеніемъ ~~каждаго~~ ~~даннаго~~ прихода, при чемъ за какіе-нибудь проступки, порочащіе духовное лицо, тотъ же приходъ, съ общаго согласія, можетъ и смѣстить его. Порою, для такого смѣщенія не требуется и общаго согласія, а просто совѣщаніе нѣсколькихъ наиболѣе почитаемыхъ стариковъ.

Плата причту прихожанами производится смотря по мѣсту: въ селеніяхъ платятъ хлѣбомъ, при чемъ съ cadaго дома полагается около 52 фун. пшеницы въ годъ; состоятельные хозяева платятъ немного больше. Въ среднемъ приходѣ насчитывается около 25 домовъ, и весь собранный причтомъ хлѣбъ дѣлится такимъ образомъ: три четверти получаетъ имамъ, остальное же идетъ на долю азанчи, которому, кромѣ того, полагаются еще шкуры животныхъ, приносимыхъ въ жертву молящимися. За свадьбы, похороны, отчитыванія больныхъ и прочія требы имамъ получаетъ отдѣльно.

Въ городахъ принято совсѣмъ другое положеніе: тутъ причтъ получаетъ уже не хлѣбомъ, а деньгами, смотря по достатку cadaго дома. Изъ всѣхъ собранныхъ суммъ азанчи получаетъ только одну четвертую или пятую часть, и тутъ, такъ же какъ въ селеніяхъ, онъ получаетъ еще отъ прихожанъ и

шкура тѣхъ жертвенныхъ барановъ и козловъ, которыхъ вѣрующіе сарты рѣжутъ въ свой праздникъ Курбанъ, въ воспоминаніе жертвы Авраамовой. Весь остальной доходъ приходится на долю имама.

Коранъ совѣтуетъ накормить мясомъ принесеннаго въ жертву животнаго бѣдныхъ; хотя сартъ чаще угощаетъ имъ своихъ знакомыхъ, чѣмъ бѣдныхъ; однако, каждый мало-мальски состоятельный хозяинъ старается въ одинъ изъ трехъ дней праздника Курбана зарѣзать козла или барана и непременно своими же собственными руками: суевѣрный сартъ вѣритъ, что въ будущей жизни этотъ баранъ поможетъ ему пройти черезъ мостъ, ведущій въ царствіе небесное; мостъ этотъ тонкій какъ волосъ и острый какъ мечъ: грѣшникъ, взойдя на него, низвергается въ самый адъ, а праведникъ стрѣлой проносится прямо въ рай. Суевѣріе сартовъ доходитъ тутъ до того, что жена и дѣти хозяина держатъ животное за ноги все время, пока его рѣжутъ и потрошатъ, считая, что этимъ и имъ хоть сколько-нибудь облегчится доступъ въ царствіе небесное.

Чтеніе Корана считается у сартовъ дѣломъ самымъ душеспасительнымъ, такъ какъ пророкъ Магометъ совѣтуетъ каждому вѣрующему какъ можно чаще читать эту священную книгу; неграмотный же долженъ заставлять ее читать себѣ кого-нибудь изъ грамотныхъ. Вотъ почему образовалось среди сар-

товъ цѣлое сословіе книжниковъ, изучившихъ наизусть весь Коранъ; среди нихъ довольно часто встрѣчаются и слѣпцы. Для книжниковъ этихъ богатые богобоязненные сарты строятъ особня помѣщенія на нѣсколько человекъ каждое; при этомъ живущіе въ нихъ обязаны ежедневно прочитывать известную часть Корана за упокой или во спасеніе души устроителя.

Во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ своей жизни, когда богобоязненный сартъ не знаетъ, какъ ему поступить, онъ непременно идетъ за совѣтомъ къ книжнику и спрашиваетъ: „А что говорить на такой случай Коранъ?“ Нечего говорить, что отвѣтъ всегда найдется: вѣдь, Коранъ отвѣчаетъ на всякую мелочь въ человѣческой жизни.

Вотъ случилась, положимъ, у хозяина такая бѣда: въ чистый котелъ попала мышь. По закону, мышь считается нечистью, а, стало-быть, котелъ теперь уже поганый. Какъ тутъ быть расчетливому сарту? Ёсть изъ этого котла по закону грѣхъ, а бросить тоже жалко: за него, вѣдь, деньги заплачены! Да смотришь, и съ новымъ такая же бѣда всегда можетъ случиться—про всѣхъ мышей, вѣдь, не напаешься! Подумаетъ-подумаетъ богобоязненный сартъ и идетъ на совѣтъ къ книжнику. А тотъ пошарилъ въ своихъ книгахъ, и благополучный отвѣтъ готовъ. „Если—говорится въ Коранѣ—котелъ, въ который

попала мышь, собака или другая какая-либо нечисть, сдѣлавшійся вслѣдствіе этого поганымъ, трижды накалить, трижды вымыть и трижды высушить, то онъ снова станетъ чистымъ". Какъ же не довѣрять сарту своимъ всезнающимъ книжникамъ, если и на такой сравнительно пустой случай онъ умѣетъ отыскать подходящій и счастливый отвѣтъ въ своихъ мудрыхъ книгахъ!

Кромѣ этихъ книжниковъ, есть еще особый видъ знахарей, которые занимаются отчитываніемъ больныхъ; такіе знахари уже не пользуются при этомъ Кораномъ, а сами составляютъ особья, подходящія случаю, книги, понятныя только имъ самимъ и недоступныя простому смертному.

У сартовъ, какъ и у прочихъ магометанъ, мечети посѣщаются только однимъ мужчинами; женщины же совершаютъ свои моленія дома. Законъ велитъ пять разъ въ день молиться Богу, но, какъ ни богобоязненна сартянка, ей не всегда удается это выполнить: самъ же законъ часто мѣшаетъ ей въ этомъ. Такъ, на примѣръ, молиться матери въ томъ же самомъ платьѣ, которое только-что испортилъ маленькій ребенокъ, считается страшнымъ грѣхомъ, а гдѣ же работающей женщинѣ взять времени на частое переодѣванье? Да немало еще и другихъ обстоятельствъ мѣшаютъ женщинамъ выполнять всѣ обряды. Поэтому-то уже издавна такъ завелось, что

мужчины у магометанъ строже придерживаются закона, чѣмъ женщины, среди которыхъ тверды въ вѣрѣ, по большей части, лишь однѣ старухи.

Но вотъ надумала женщина помолиться Богу. Тутъ она прежде всего, по правиламъ своей вѣры, совершаетъ омовеніе: моетъ лицо, руки до локтей и ноги по щиколотки. А иная, нерадивая, заторопится,—лѣнь ей разуться, чтобы вымыть ноги—возьметъ да вмѣсто того прямо свои ичиги *) и обрызгаетъ водою. Совершивъ омовеніе, сартянка приводитъ въ полный порядокъ свое платье, разстилаетъ на полу маленькій коврикъ и начинаетъ вполголоса читать молитвы, покачиваясь всѣмъ туловищемъ то взадъ, то впередъ, кладетъ земные поклоны и такъ далѣе. Если семья почтенная и богобоязненная, то во время такого моленія остальные присутствующіе въ комнатѣ или совсѣмъ молчатъ, или же разговариваютъ шопотомъ.

Самыми большими праздниками у сартовъ, какъ и у прочихъ магометанъ, считаются *Курбанъ* и *Рамазанъ*. Праздникъ Рамазана продолжается цѣлый мѣсяцъ, и во все это время вѣрующіе должны проводить всѣ дни въ полномъ воздержаніи; только по ночамъ—послѣ заката и до восхода солнца—законъ разрѣшаетъ принимать пищу. Но зато ужъ въ эти часы розговѣнья сартъ можетъ ѣсть все, что ему

*) Обувь у сартовъ.

угодно: ни скоромной ни постной пищи не существуетъ.

Цѣлый день во все время этого долгаго поста сарты бродятъ вялые, унылые; въ городахъ и селеніяхъ мертвая тишина. Но зато съ закатомъ солнца все кругомъ оживаетъ: подкрѣпившіеся пицей жители гуляютъ и веселятся на славу. Особенно кипитъ жизнь на базарахъ: тутъ въ разныхъ концахъ устраиваются балаганы, поютъ пѣвцы, показываютъ свое искусство фокусники, гремитъ шумная сартовская музыка. А тамъ, смотришь, устроено что-то въ родѣ театра, гдѣ даются представленія съ куклами: показываются русскіе военные смотры, танцуютъ танцовщицы и прочее. Въ чайныхъ толпится народъ и благодумствуетъ за чаемъ, наслаждаясь пѣніемъ пѣвцовъ и весело гремящею музыкой.

Нечего говорить, что строгое соблюденіе такого длиннаго поста очень вредно отзывается на здоровьѣ; чуть ли уже не съ первой недѣли человекъ начинаетъ слабѣть, и не всякій въ силахъ довести постъ до конца. Бываетъ и такъ: не выдержать искуса семья, смотришь, и начинаютъ всѣ потихоньку ѣсть другъ отъ друга днемъ, чтобы не было зазорно. А иной догадливый малый такъ и прямо пускается на хитрости: по закону больные и путники могутъ не поститься,—вотъ возьметъ онъ да и отправится нарочно въ путь куда-нибудь...

Душеспасительнымъ дѣломъ считается также у сартовъ ѣздить на богомолье. Особенно большія охотницы до этого женщины. Сартянки до страсти любятъ всякую новизну и смотрятъ на такую поѣздку не только какъ на богоугодное дѣло, но и какъ на пріятное развлеченіе. Мѣстомъ для богомолья служатъ обыкновенно могилы святыхъ, а иногда и просто такое мѣсто, гдѣ произошло какое-нибудь замѣчательное событіе. Если около такого святого мѣста выросло дерево, то и оно считается священнымъ, и, по обычаю, каждый богомольецъ непременно привяжетъ къ его вѣткѣ платокъ, разноцвѣтный лоскутъ или просто тряпку. Такое дерево сартъ уже зорко оберегаетъ, и ни пила ни топоръ не дерзнутъ коснуться его.

Святыхъ мѣсть у сартовъ очень много, и они приписываютъ имъ различныя цѣлебныя и чудесныя свойства. Такъ, на примѣръ, одно изъ нихъ исцѣляетъ, по повѣрью, отъ головныхъ болей, другое—отъ коклюша и чахотки, третье посылаетъ молящемуся богатство и т. д. Въ горахъ Ферганской области есть два такихъ прославленныхъ мѣста, куда лѣтомъ, въ іюнь мѣсяцѣ, богомольцы тянутся цѣлыми караванами.

Вотъ собралась семья на богомолье. Если есть у хозяина хотя какой-нибудь достатокъ, онъ непременно захватитъ съ собой барана или козла,

Дефект сриганага

обреченнаго имъ въ жертву. А если сартъ — чело-
вѣкъ богобоязненный, то онъ еще часть пути ста-
рается пройти пѣшкомъ и все время гонить впе-

реди себя жертвенное животное. Женщины и
ѣдутъ слѣдомъ въ арбахъ.

Наконецъ, вся семья благополучно достигъ
святого мѣста. Прежде всего совершается моленіе,
а потомъ уже закалывается приведенное животное;
при этомъ часть мяса отдается духовенству, оби-
тающему тутъ же, а остальное съѣдается всѣми
членами семьи. Если же богомольцы живутъ далеко
отъ избраннаго для поклоненія святого мѣста, то
они уже не приводятъ съ собою жертвеннаго жи-
вотнаго, а просто готовятъ себѣ тутъ же какую бы
то ни было пищу: ѣсть только-что изготовленное
на святомъ мѣстѣ кушанье считается большимъ
душеспасительнымъ дѣломъ у сартовъ.

Всѣ дѣла и поступки людей сартъ дѣлитъ на
злые и добрые; за зло челоуѣка въ будущей жизни
ожидаетъ геенна огненная, за добро—награда. Все,
что совершаетъ челоуѣкъ на землѣ—и хорошее и
дурное—вписывается двумя ангелами въ книгу жи-
вота, по которой и производится будущій судъ.

Какъ и всякій невѣжественный народъ, сарты
чрезвычайно суевѣрны. Они вѣрятъ въ существова-
ніе *шайтана* (дьявола), вѣрятъ въ добрыхъ и злыхъ
духовъ, которые могутъ оказывать хорошее или
дурное вліяніе на жизнь челоуѣка. Вѣрятъ они,
что падучую болѣзнь и разную порчу наводитъ на-
людей *аджинѣ*—страшная, огромнаго роста жен-

желтыми косматыми волосами, что-то среднее, домовымъ и вѣдьмой... Послѣ рожденія цѣлыхъ шесть недѣль родительницу не оставляютъ одну, изъ суевѣрнаго страха, что прилетѣтъ эта страшная аджина и задушитъ ее и ребенка. Вѣрять сартъ и въ домового, котораго представляетъ себѣ въ видѣ безобразной старухи съ растрепанными волосами; вѣрять въ бабу-ягу и въ разныя зловѣщія примѣты. Стоитъ хотя бы нечаянно качнуть пустую люльку, — значить ребенокъ непременно умретъ. А сниметъ ктонибудь калоши не вблизи самой двери, а чуть подальше, — стало-быть, враги хозяина размножатся и погубятъ его. И въ какую только чертовщину не вѣрять темный, невѣжественный сартъ!

Не обходится, конечно, дѣло и безъ вѣры въ колдовство, знахарство и гаданье. Покажется, напримеръ, иной ревнивой женѣ, что мужъ сталъ меньше любить ее, — сейчасъ же бѣжитъ къ *мулла* (грамотею) за талисманомъ; порою послѣдніе гроши отдастъ за него. А тотъ даетъ ей бумажку, на которой написана на такой случай молитва или стихъ изъ Корана. Суевѣрная сартянка бережетъ эту бумажку пуще глаза: свернетъ ее треугольничкомъ, зашьетъ въ шелковый лоскутъ и, прицѣпивъ къ плечу халата или рубахи, теперь уже крѣпко надѣется, что снова приворожитъ мужа... А не по-

могъ талисманъ, — побѣжить опять къ муллѣ за наговоромъ на чемъ-либо съѣстномъ, а то и просто на водѣ, и потихоньку угостить этимъ мужа. Есть наговоры и отвораживающіе, а такъ какъ у сартовъ законъ дозволяетъ многоженство, то и безъ нихъ дѣло не обходится: когда одна жена, напримеръ, захочетъ отворотить мужа отъ другой.

Наговорами занимаются, по большей части, грамотные мужчины, ворожбой же почти исключительно женщины. Нерѣдко такія ворожеи занимаются еще и лѣченіемъ, и можно себѣ представить, сколько бѣдъ приноситъ такой темный лѣкарь! Сартъ невѣжественъ и легковѣренъ; занеможетъ ему, онъ отправляется къ ворожеѣ. Посовѣтуетъ она ему, напримеръ, пить купоросъ, онъ бѣжитъ на базаръ и покупаетъ это спасительное снадобье... А отправится отъ такого лѣченія на тотъ свѣтъ, никому изъ родныхъ и въ голову не придетъ, что отравился человекъ, а всѣ скажутъ: „Такъ судилъ Аллахъ *”) и такъ, стало-быть, давно ему ангелами въ книгѣ живота было вписано!“ Да, много зла и горя приносятъ тьма и невѣжество, немало людей гибнетъ благодаря имъ!

Дефект оригинала

*) Аллахъ — значить Богъ.

ГЛАВА III.

Жилище, одежда и пища.

СЛИ посмотрѣть на азіатскій городъ сверху, то покажется, что плоскія крыши домовъ сливаются всѣ вмѣстѣ и по всему городу идетъ одна сплошная крыша: до того тѣсно застраиваются тамъ улицы. Дворы оставляются крошечные, площадей почти нѣтъ, такъ что домъ лѣпится къ дому, и странный видъ представляетъ азіатская улица для взоровъ непривычнаго россиянина.

Но прежде чѣмъ начать говорить о томъ, какъ строить сартъ свое жилище, намъ необходимо вспомнить, что, по законамъ своей вѣры, сартовская женщина не только не можетъ показываться съ

открытымъ лицомъ постороннему мужчине, но и разговаривать даже должна стараться такъ, чтобы онъ не могъ услышать ея голоса. Нечего говорить, что такая строгость магометанскаго закона должна прежде всего сказаться и на устройствѣ жилища. Въ самомъ дѣлѣ, разъ сартянка должна прятаться отъ всякаго посторонняго мужчины, то, стало-быть, и жилище сарта должно быть устроено такъ, чтобы женщины въ немъ всегда могли оставаться скрытыми отъ всякаго любопытнаго взора. Вотъ почему во всякой мало-мальски состоятельной сартовской семьѣ дворъ раздѣляется на двѣ совершенно отдѣльныя другъ отъ друга половины: на *наружную* — мужскую половину и *внутреннюю* — женскую.

Только самая захудалая семья, у которой не хватаетъ средствъ построить на двѣ половины или же нѣтъ для этого нужнаго количества усадебной земли — живетъ на одномъ дворѣ. Но даже и тогда, дабы не прегрѣшить противъ законовъ своей вѣры, бѣдный сартъ устанавливаетъ свои постройки такъ, чтобы проходящіе по улицѣ люди не могли видѣть чрезъ растворенную калитку женщинъ, когда тѣ выходятъ изъ своего жилища во дворъ. Для этого внутри двора, какъ разъ передъ калиткой, неподалеку выводится небольшая стѣнка, немного выше человеческого роста. Вотъ эта-то стѣнка и не

позволяетъ любопытнымъ взорамъ прохожихъ проникать внутрь двора.

Мы уже говорили, что дворы всегда почти бываютъ очень малы, и сарты обносятъ ихъ со всѣхъ сторонъ стѣной. Окна домовъ, или, по-туземному, *саклей*, никогда не выходятъ на улицу, а всегда къ внутренней сторонѣ той стѣны, которая окружаетъ дворъ; къ ней же примыкаютъ своимъ тыломъ и наружныя постройки. Наружный дворъ, то-есть мужская половина, сообщается съ улицей черезъ калитку или небольшія воротца; часто со двора устраивается еще надъ ними небольшой навѣсъ. Насколько эти воротца малы, видно хотя бы изъ того, что сартъ, пріѣхавъ домой верхомъ, не въѣзжаетъ прямо во дворъ, а по большей части слѣзаетъ еще на улицѣ съ коня; а ужъ объ арбѣ и говорить нечего: она совершенно не можетъ въѣхать во дворъ, почему и стоитъ всегда на улицѣ.

На наружномъ дворѣ, т.-е. мужской половинѣ, сартъ принимаетъ своихъ гостей-мужчинъ. У средней по достатку семьи помѣщеніе это состоитъ изъ одной комнаты съ навѣсомъ; у богатыхъ же людей—изъ двухъ комнатъ и навѣса между ними. Иногда еще, кромѣ того, имѣются здѣсь комната для мужской прислуги и кухня, на тотъ случай, если почему-либо кушанье гостямъ не можетъ готовиться женщинами на ихъ половинѣ. На наружномъ дворѣ

находятся также и конюшни, которыя чаще всего устраиваются въ видѣ открытыхъ навѣсовъ съ яслями вдоль стѣнъ; сплошь крытыя конюшни встрѣчаются очень рѣдко и то только въ самыхъ зажиточныхъ домахъ; посреди крыши дѣлается тогда небольшое отверстіе, ясли же расположены такъ же вдоль стѣнъ, какъ и въ открытыхъ конюшняхъ; отдѣльныя стойла почти никогда не устраиваются. Лѣтомъ изъ такихъ крытыхъ конюшенъ лошадей выводятъ на ночь во дворъ, гдѣ онѣ и привязываются къ высокимъ деревяннымъ приколамъ.

Кромѣ всѣхъ этихъ построекъ, на наружномъ дворѣ во всякомъ добропорядочномъ домѣ имѣется еще нѣсколько деревьевъ и одинъ или два пригорка—подъ деревомъ или вдоль стѣны; пригорки эти сартъ самъ насыпаетъ изъ земли, и въ лѣтніе досуги очень любитъ прохладиться и благодушествовать на нихъ. Тутъ же, на дворѣ, веселитъ взоръ грядка-другая цвѣтовъ, до которыхъ сарты большіе охотники, течетъ арыкъ, а если хозяинъ побогаче и дворъ просторнѣе, то еще имѣется и небольшой прудъ. Наружный дворъ содержится у сартовъ замѣчательно чисто: каждый день его старательно подметаютъ, а лѣтомъ еще поливаютъ по утрамъ и вечерамъ. Въ такой же чистотѣ содержатся и конюшни.

Жилища свои сарты строятъ изъ глины и де-

рева. Изъ глины выводятся самыя стѣны строгій, и всегда онѣ нѣсколько суживаются къверху; изъ этого же матеріала дѣлаются и заборы. Дерево, главнымъ образомъ, тополь и таль (верба), идетъ на оконныя рамы, двери, кровли, столбы, подпорки и проч.

Когда сартъ собирается строить себѣ саклю (домъ), онъ наканунѣ начала постройки прежде всего готовить густое тѣсто изъ глины, сбиваетъ его въ отдѣльные слои отъ 1 до 1½ аршинъ высотой и изъ нихъ уже выводится самая стѣна: сначала кладется нижній слой, надъ нимъ слѣдующій и т. д. Когда слои эти высыхаютъ, то они всегда растрескиваются вдоль; вотъ почему, во избѣжаніе впоследствии большихъ трещинъ, сартъ и не кладетъ верхняго слоя, прежде чѣмъ хорошенько не обсохнетъ и не потрескается нижній. Самая толщина стѣнъ рѣдко бываетъ больше аршина.

Крыши дѣлаются немного покатыя и устраиваютъ ихъ такъ: сначала кладутъ балки, на нихъ обрѣшетникъ, а уже потомъ настилаютъ камышевыя плетенки. На плетенки эти слоями раскладываются камышъ, саманъ (яровая солома) и сухая сорная трава, а поверхъ всего этого насыпается слой земли толщиной вершка въ полтора, послѣ чего все это смазывается жидкимъ глинянымъ растворомъ. По краямъ крыши замазываются въ нѣсколькихъ мѣстахъ

небольшіе деревянные желоба, для стока воды во время дождя.

Мѣстами устраиваются еще и двускатныя крыши, но рѣдко; порою же дѣлаются и въ видѣ купола, главнымъ образомъ, надъ банями, мечетями и часовнями. Такія часовни возвышаются надъ могилами мѣстныхъ святыхъ или людей, пользовавшихся при жизни особымъ уваженіемъ своихъ сородичей. Устраиваются куполообразныя крыши обыкновенно изъ обожженнаго кирпича и рѣже изъ сырцоваго.

Входная дверь въ саклю дѣлается, по большей части, въ двѣ створки, высотой немного ниже средняго роста человѣка. Когда сартъ входитъ въ комнату, онъ всегда поэтому долженъ нѣсколько нагнуться, какъ бы кланяясь въ то же время хозяевамъ, и тутъ же произносить свое обычное привѣтствіе. Двери въ косякахъ ходятъ не на петляхъ, какъ у насъ, а на ножкахъ. Устраивается это такимъ образомъ: въ полотнѣ двери дѣлаются небольшіе выступы, а въ притолкѣ и въ порогѣ соотвѣтствующія выемки по нимъ. Косяки замазываются снаружи стѣны, и дверь пригоняется къ нимъ далеко не плотно, такъ что получаютъ большія щели; нечего удивляться поэтому, если въ зимнее время въ саклѣ почти такъ же холодно, какъ и на дворѣ.

Да и окна строятся у сартовъ по-лѣтнему: это тонкія деревянные рѣшетки, которыя на зиму оклеи-

ваются бумагой — стеколь нѣтъ и въ помѣстѣ. По величинѣ своей окна немногимъ меньше дверей: сартъ не знаетъ ни столовъ ни стульевъ — онъ работаетъ и ѣстъ, сидя прямо на полу, стало-быть, ему и окна нужно пригнать такъ, чтобы было свѣтло. Вотъ почему низъ окна въ саклѣ приходится всего на всего на 1 или 2 вершка отъ пола. Къ окнамъ придѣланы и ставни, которыя устраиваются въ двѣ створки, совершенно такъ же, какъ и входная дверь.

Полъ въ саклѣ земляной, плотно убитый; въ немъ устраиваются двѣ ямки: одна побольше — у самой двери; здѣсь приходящіе оставляютъ свои калоши; другая же гораздо меньше размѣромъ, но зато много глубже, дѣлается въ самой серединѣ комнаты: въ ямкѣ этой зимою разжигаются уголья, и вокругъ нея и ютится тогда непривычный къ большимъ холодамъ сартъ. Кромѣ этихъ двухъ ямокъ, весь полъ въ саклѣ устланъ сначала камышевыми плетенками, а поверхъ — кошмами (войлоками); у богатыхъ, сверхъ того, еще и коврами.

Потолки и верхніе деревянные карнизы стѣнъ расписываются въ зажиточныхъ домахъ всевозможными узорами самыхъ яркихъ цвѣтовъ, украшаются сусальнымъ золотомъ, а порою и тонкою, замѣчательно красивой и искусной рѣзбой, на что сарты-работчіе большіе мастера. Изъ всего этого видно,

что сакля богатого сарта имѣетъ внутри очень красивый и уютный видъ.

Отъ наружнаго двора, т.-е. мужской половины, гдѣ-нибудь въ сторонкѣ идетъ ходъ во внутренній дворъ. Ходъ этотъ крытый, съ отдѣльной калиткой, чтобы, согласно строгому магометанскому закону, внутренность женскаго двора не могла быть видна съ наружнаго.

На женской половинѣ находятся жилыя комнаты, при чемъ у людей богатыхъ кухня устраивается отдѣльно отъ комнатъ; тутъ же, на внутреннемъ дворѣ, находятся и кое-какія службы: небольшая кладовая, хлѣвъ и амбаръ для хлѣба. Жилыхъ комнатъ въ зажиточной семьѣ бываетъ обыкновенно не больше двухъ. Лишь тогда, когда сартъ обзаведется нѣсколькими женами (что позволяютъ себѣ только самые богатые люди), и жилыхъ комнатъ у него больше: по закону каждая жена имѣетъ право требовать себѣ отдѣльную комнату, которая къ тому же еще запирается бы на ключъ. Дѣти-подростки въ состоятельныхъ семьяхъ спятъ такъ же отдѣльно.

У бѣднаго люда женская половина состоитъ всего на всего изъ одной комнаты, въ которой зачастую и оконъ-то нѣтъ, а вмѣсто нихъ продѣлывается отверстіе въ крышѣ; дверь въ такой саклѣ маленькая; въ одну створку, и полъ застилается не сплошь кошмами, а только на половину комнаты.

Дефект оригинала

Тутъ же, обыкновенно, и спать въ повалку вся семья бѣдняка-сарта, безъ всякихъ тюфяковъ и подстилокъ.

Въ среднихъ и богатыхъ домахъ жилыя комнаты по виду мало чѣмъ отличаются отъ мужской половины; только потолки рѣдко когда расписываются или украшаются рѣзьбой. Но ямка для калошъ дѣлается гораздо больше по размѣру, а въ углу комнаты, къ сторонѣ отъ двери, вырывается глубокая яма, покрытая сверху желѣзною или деревянной рѣшеткой: туда сливаются помои, и надъ этой же ямой сарты совершаютъ свои омовенія, предписанныя законами магометанской вѣры.

А теперь войдемъ, читательница, въ саклю и посмотримъ, какъ убираются жилыя комнаты у сартовъ. Я пригласила бы туда и читателя, но, вѣдь, его ни за какія блага въ свѣтъ не пустятъ на женскій дворъ!

Прямо противъ входной двери стоитъ окованный жестью сундукъ, чаще всего русской работы, въ которомъ хранится хозяйское добро: бѣлье, одежда, запасная посуда и прочій домашній скарбъ. Днемъ на этомъ же сундукѣ складываются ватныя одѣяла и такія же подушки. Тутъ же въ углу, отъ одной стѣны къ другой протянута длинная палка: на ней, для украшенія комнаты, развѣшаны шелковые халаты хозяйки, рубахи и камзолы. Вдоль

стѣнъ, также для красоты, разставлены разные подносы—мѣдные и жестяные, разноцвѣтные чайники и чашки, жестяные подсвѣчники, шкатулки съ женскими украшениями и т. д.

Если мы попадемъ въ жилую саклю зимою, то увидимъ еще, какъ она обогрѣвается. Въ ямку посреди комнаты кладется кучка совсѣмъ прогорѣвшихъ углей, надъ нею ставится невысокая табуретка, которая накрывается сверху однимъ или двумя ватными одѣялами; подъ ними-то и сберегается тепло. Около этой нехитрой топки и проводятъ хозяева зимою все свободное время, тутъ же и работаютъ. А станетъ холодно—сейчасъ же подсунуть ноги подъ одѣяла, благо сидятъ на полу, и грѣются; зато и нагрѣваются, какъ слѣдуетъ, однѣ только ноги. Тутъ же, около своего излюбленнаго мѣста и спать.

Нечего говорить, что такого рода отопленіе можетъ нанести не малый вредъ здоровью. Наложить, на примѣръ, только-что хозяйка горячихъ углей, засунетъ подъ одѣяло босыя ноги и нагрѣетъ ихъ до того, что еле кожа терпитъ. Вдругъ понадобилось ей въ коровникъ сбѣгать или по хозяйству куда—она вскакиваетъ, надѣваетъ на горячія ноги калоши и бѣжитъ прямо на дворъ... А дѣло зимнее, и хотя не такъ холодно въ томъ краѣ, какъ у насъ, да привычному къ долгому лѣту сарту очень чув-

ствителенъ и небольшой морозъ. И вотъ провозится баба на дворѣ съ полчаса, а когда и цѣлый часъ, вернется въ саклю, сброситъ калоши и опять юркнетъ ногами подъ одѣяло. И такъ цѣлый день. Надо еще удивляться, что при такого рода топкѣ сарты не такъ часто простужаются, какъ этого можно бы было ожидать.

Мы уже упоминали, что на внутреннемъ дворѣ, кромѣ живыхъ помѣщеній, находятся еще и службы, какъ, напримѣръ, хлѣвъ, кладовая и хлѣбный амбаръ. Любопытно строить сартъ хлѣвъ: онъ стараются ставить его такъ, чтобы одна изъ стѣнъ выходила на улицу, въ садъ или огородъ. Въ стѣнѣ этой прорѣзывается отверстіе, черезъ которое навозъ прямо и выбрасывается лопатами. Не велика еще бѣда, если онъ попадетъ въ садъ или огородъ; но вотъ, когда у хозяина ни того ни другого не имѣется, а навозъ копится на улицѣ, — тутъ уже дѣло совсѣмъ неподходящее... Можете представить себѣ теперь, до чего грязны сартовскія улицы! Навозъ на нихъ лежитъ чуть не годами, и высокія кучи его прямо лѣзятъ къ заборамъ домовъ. И это продѣлывается вездѣ — какъ въ селеніяхъ, такъ равно и въ городахъ.

Въ общемъ, внутренній дворъ очень похожъ на наружный, но такъ какъ онъ не показной, то и содержится гораздо грязнѣе. И тутъ почти всегда

можно встрѣтить нѣсколько деревьевъ, также течетъ арыкъ, порою найдется даже нѣсколько виноградныхъ лозъ. А если есть свободное мѣстечко, то насыпается искусственный пригорокъ: сартянки такъ же, какъ и мужчины, любятъ лѣтомъ коротать на немъ свои досуги.

Стоитъ еще сказать теперь нѣсколько словъ о томъ, какъ устраиваютъ у себя сарты отхожія мѣста. При тамошнемъ зноѣ, это — вопросъ очень важный, и, будь они плохо устроены, лѣтомъ совсѣмъ бы дышать нечѣмъ было.

Гдѣ-нибудь между службами, а то и просто внутри конюшни, сартъ вырываетъ очень глубокую яму — до 3-хъ саженой въ глубину; сверху устраивается деревянная настилка, покрытая слоемъ глины. Благодаря такой глубинѣ ямы и очень опрятному содержанию отхожаго мѣста, даже въ самое жаркое лѣтнее время не замѣтно въ немъ ни малѣйшаго запаха. Если принять во вниманіе нестерпимый лѣтній зной въ Туркестанѣ, то станетъ понятнымъ, насколько здорово такое разумное устройство этого мѣста.

Мы уже знаемъ теперь, какъ строить сартъ свое жилище; остается прибавить еще, что онъ страстный любитель садовъ, и у всякаго мало-мальски зажиточнаго городского хозяина при домѣ всегда почти найдется садъ, а у богатыхъ людей и не

одинъ. Если такой счастливецъ живетъ въ самой бойкой части города, гдѣ земля дорога, да и мало ея, то сады его помѣщаются не при домѣ, а поближе къ городской окраинѣ. Тутъ же устраивается небольшое помѣщеніе для лѣтняго жилья и кое-какая конюшня для лошадей; такъ что на лѣто богатый сартъ перебирается со своею семьей какъ бы на дачу.

Обыкновенно, садъ бываетъ размѣромъ не больше десятины и обносится глинобитнымъ заборомъ, вдоль котораго въ одинъ или два ряда идутъ тутовые деревья, тополь, порою вишни, яблони или сливы. Дорожекъ нѣтъ, и растутъ тутъ все вмѣстѣ: и плодовые деревья и овощи. Посреди сада разбитъ виноградникъ, кусты котораго разсаживаются такимъ образомъ, что, разросшись, они образуютъ рядъ сплошныхъ крытыхъ бесѣдокъ. Тутъ же протекаетъ неизмѣнный арыкъ, безъ котораго, конечно, немыслимо было бы устройство сада въ Туркестанѣ. Неподалеку отъ виноградника рѣдкими кустами разсажены гранаты. Остальная часть сада занята огородомъ; тутъ рядомъ съ дынями и арбузами засѣваются тыква, морковь и лукъ; тутъ же растутъ и кукуруза. Плодовые деревья разбросаны по всему саду какъ попало, безъ всякаго опредѣленнаго плана.

Въ селеніяхъ сады встрѣчаются рѣже, но зато

при всякомъ домѣ имѣется огородъ. И тутъ также вдоль забора въ рядъ или два посажены тутовые деревья, листья которыхъ идутъ на кормъ шелковичнымъ червямъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сарты производятъ большіе посѣвы дынь, они въ маѣ мѣсяцѣ, когда дыня начинаетъ завязываться, переселяются со своими семьями на бахчи и здѣсь проживаютъ прямо въ шалашахъ.

Нарядъ у сартовъ имѣетъ огромное значеніе, и про сарта уже прямо можно сказать, что онъ по платью встрѣчаетъ человѣка и по платью же прощается. Въ будни сартъ будетъ ходить какъ попало—чуть ли не въ лохмотьяхъ, но къ празднику даже самый послѣдній бѣднякъ непременно купитъ себѣ какую-нибудь обнову, хотя бы ему для этого пришлось отказывать себѣ въ самомъ необходимомъ. Если у иного щеголя дѣла вдругъ пошли хуже, и онъ явится на гулянье не въ обновѣ—прямо бѣда! Пойдутъ пересуды и догадки—не промотался ли онъ, не сталъ ли пьянствовать, не играетъ ли въ карты? Стоустая молва договорится до того, что начнетъ обвинять его чуть ли не въ безбожїи: „Пока онъ вѣрилъ въ Бога“, скажутъ злые языки, „Богъ и помогаль ему, а теперь отступился“...

Одежда сарта состоитъ изъ рубахи, шароваръ и длиннаго просторнаго халата, опоясаннаго кушакомъ. Нечего говорить, что цѣнность наряда зависитъ отъ достатка каждаго: богатый сошьетъ себѣ и шелковый халатъ, а бѣдный и за тиковый хвалить Господа.

Голову сартъ покрываетъ сначала *тюбетейкой*— круглою татарской ермолкой, а сверхъ нея надѣваетъ *чалму*. Мы уже раньше упоминали, что чалма состоитъ изъ куска бѣлой (а иногда и пестрой) ткани, который навивается на голову и ложится красивыми, пышными складками.

Сартъ очень дорожитъ своимъ головнымъ уборомъ, и иной щеголь простоятъ не мало передъ зеркаломъ, пока повяжетъ свою чалму. По нѣсколькxу разъ онъ перевяжетъ ее, надоѣстъ и женѣ и всѣмъ домочадцамъ, пока, наконецъ, выберется на улицу.

На ноги сартъ надѣваетъ *ичиги* и калоши. Ичиги шьются изъ тонкой кожи, безъ подошвъ и по большей части расшиваются разноцвѣтными узорами. Надѣваются они прямо на босу-ногу, а, выходя изъ дому, сверхъ нихъ надѣваютъ еще и калоши.

Нарядъ сартянки очень похожъ на одежду мужчинъ; онъ состоитъ также изъ шароваръ, рубахи и длиннаго халата. Шаровары шьются длинные—до

ступни или щиколотки; сверху, до колѣнъ, очень широкіе, а внизу все уже и уже, такъ, чтобы

могла только пройти нога; низы обшиваются пестрою тесьмой. Ткань на шаровары берется опять

таки смотря по достатку: богатые щеголихи шьютъ изъ кумача, яркаго ситца, канауса (шелковой матеріи); бѣдныя же довольствуются грубою бумажной матеріей мѣстнаго издѣлія, чаще всего бѣлаго цвѣта. Низы такихъ шароваръ обшиваются для щегольства кумачомъ, ситцемъ или канаусомъ—четверти на полторы или двѣ. Ходить безъ шароваръ взрослая сартянка считаетъ не только зазорнымъ, но и прямо грѣхомъ; даже крошечныхъ дѣвочекъ въ 2—3 года начинаютъ уже приучать къ нимъ. Рубаху сартянка носитъ очень широкую и длинную—до щиколотокъ, причемъ она уже заодно служитъ и платьемъ; шьется эта рубаха съ длин-

ными рукавами, гораздо ниже колѣнъ. Когда сартянка пляшетъ, она помахиваетъ концами этихъ рукавовъ, какъ у насъ платочкомъ. Воротъ обшивается широкою узорной тесьмой, и прорѣзъ дѣлается или прямой или на обоихъ плечахъ.

На рубахи идетъ тоже разная матерія: будничныя—попроще, праздничныя—понаряднѣе. Въ селеніяхъ сартянки въ будни надѣваютъ изъ мѣстной грубой бумажной матеріи, въ праздники же изъ кумача или ситца. Въ городахъ, напротивъ, только самая бѣдная женщина надѣнетъ грубую рубаху, а мало-мальски зажиточная горожанка шьетъ изъ гладкаго или узорнаго кумача или же изъ яркихъ ситцевъ съ крупными узорами. А по праздникамъ

такая щеголиха наряжается и въ шелковую рубаху.

Шаровары и рубаха составляютъ домашній нарядъ сартянки; къ этому надо еще прибавить платокъ на головѣ бѣлый или красный; ходить съ непокрытою головой считается тамъ большимъ грѣхомъ. Волосы замужняя женщина заплетаетъ въ двѣ косы; къ нимъ городскія щеголихи подвязываютъ бусы и разныя побрякушки; въ селеніяхъ же, кромѣ того, подвязываютъ иногда для тяжести просто небольшой просверленный камешекъ, чтобы коса не болталась при движеніи.

Дома сартянка ходитъ лѣтомъ босикомъ, а выходя на дворъ, прямо на босу-ногу надѣваетъ калоши. Въ холодное время года болѣе зажиточныя женщины носятъ ичиги съ калошами; бѣдныя же круглый годъ ходятъ либо въ однѣхъ калошахъ, либо въ однѣхъ ичигахъ. Чулки встрѣчаются очень рѣдко, такъ же какъ и русскіе ботинки, которые надѣнетъ только развѣ самая записная щеголиха.

Намъ извѣстно уже, что сартянка не должна показываться постороннему мужчинѣ съ открытымъ лицомъ. Вотъ почему, собираясь выходить изъ дому, женщина еще на внутреннемъ дворѣ набрасываетъ на голову густую сѣтку изъ чернаго конскаго волоса, которая закрываетъ не только лицо, но и грудь. Поверхъ этой сѣтки, прямо на голову наки-

дывается еще длинный сѣрый халатъ: Коранъ запрещаетъ женщинѣ выходить на улицу въ яркой одеждѣ, дабы не привлекать взоровъ мужчинъ... Шьется халатъ опять-таки, смотря по средствамъ, изъ бумажной или полуселковой матеріи и очень длинный—до щиколотокъ, а то и до самой земли. Но всего замѣчательнѣе рукава необыкновенной длины; они висятъ за спиною и иногда прямо волочатся по землѣ.

Въ холодное время года сартянка надѣваетъ двѣ рубахи—похуже снизу, а поновѣе и понаряднѣе сверху; поверхъ рубахъ ватный халатъ такого же покроя, какъ и у мужчинъ, только онѣ не подпоясываютъ его кушакомъ. Лишь въ самыхъ печальныхъ случаяхъ—при оплакиваніи покойника на дому или при хожденіи къ нему на могилу—женщины, въ знакъ траура *), подпоясываются синими кушаками. Ватные халаты шьются изъ ситца, узорнаго кумача, полуселковой или шелковой матеріи. Богатыя сартянки надѣваютъ зимою поверхъ рубахъ шубу, такого же точно покроя, какъ и ватные халаты, только на мѣху—барашкѣ, лисьихъ лапкахъ или дикой кошкѣ, съ оторочкой изъ бобра, куницы или выдры.

Нельзя похвалить сартовъ за опрятность; напротивъ того, при всей любви ихъ къ щегольству,

*) Печали.

паровары и рубахи смѣняются и моются чрезвычайно рѣдко, въ особенности у людей небогатыхъ. Иной тогда только смѣняетъ ихъ, когда они совсемъ заскорузнутъ на немъ, а голь такъ прямо никогда и не моетъ: носить до тѣхъ поръ, пока они истлѣютъ на немъ и пойдутъ валиться влочьями...

Дома сартянка даже въ зажиточной семьѣ ходитъ грязная и неопрятная, въ затасканной ситцевой рубахѣ, но, собираясь куда-нибудь изъ дому, непременно разодѣнется по праздничному, хотя прямо и надѣваетъ поверхъ этой грязной рубахи шелковую и такой же халатъ. Но зато, вернувшись домой, такая щеголиха сейчасъ же и снимаетъ свой праздничный нарядъ и бережно прячетъ его въ сундукъ; вотъ почему онѣ служатъ обыкновенно очень долго, и иная за всю жизнь износитъ только 2—3 шелковыя рубахи.

Мы уже знаемъ, что сартянки до страсти любятъ наряды и очень падки до обновъ. Бѣда, если подойдетъ великій праздникъ, а мужу не на что купить обновы женѣ! Спорамъ и раздорамъ не будетъ конца: часто дѣло доходитъ до того, что расходившаяся жена божится и клянется, что послѣ праздника пойдетъ къ имаму просить развода. Конечно, угрозами все дѣло обыкновенно и кончается, но нѣтъ на свѣтѣ большей обиды для сартянки, какъ остаться къ празднику безъ обновы.

Кромѣ нарядовъ, сартянки еще очень падки и до различныхъ украшеній: всевозможныя бусы, кораллы, серьги, кольца, браслеты *), разныя привѣски — все это предметъ мечтаній и зависти туземной женщины. Чѣмъ длиннѣе серьги, тѣмъ сильнѣе онѣ манятъ щеголиху, и иная, смотришь, нацѣпить пару до четверти аршина въ длину со всеми побрякушками, вѣсу же настолько солиднаго, что частенько прорываются уши. Ко всему этому мы должны прибавить еще, что у сартовскихъ женщинъ существуетъ обычай бѣлить и румянить себѣ лицо, красить брови и рѣсницы. Раньше красили еще и ногти на рукахъ и ногахъ, иногда и ладони, но теперь этотъ обычай выводится, и рѣдко, да и то только въ городахъ и по праздникамъ, можно встрѣтить еще окрашенные руки.

Сартянки, и взрослые и дѣвочки, очень любятъ украшать свои волосы цвѣтами. А весною даже и у каждаго сарта можно видѣть около уха воткнутый за тибетейкой (ермолкой) цвѣтокъ. Дѣвочки также не отстаютъ отъ взрослыхъ и весною сдираютъ съ вѣтвей тоненькія полоски коры всегѣмъ съ молодою листвою, вплетая ихъ въ косы.

Пища у сартовъ очень разнообразная и зависитъ, какъ и у всякаго другого народа, отъ до-

*) Обручи на рукахъ изъ серебра или золота.

статка челоуѣка: богатый ѣсть лучше и больше, а бѣдный довольствуется малымъ и незатѣйливымъ.

Самымъ любимымъ народнымъ кушаньемъ считается у сартовъ *палау*. Приготавливается это блюдо такимъ образомъ: прежде всего отвариваютъ въ котлѣ баранину, и, когда она всегѣмъ уже поспѣла, ее вынимаютъ и поджариваютъ въ салѣ вмѣстѣ съ морковью и лукомъ. Потомъ все это кладется въ оставшуюся послѣ варки жижю, насыпаютъ туда рису и варятъ до тѣхъ поръ, пока не получится крутая каша; тогда палау и считается готовымъ.

Когда кушанье это надо подавать, то самую кашу выкладываютъ на блюдо горкой, а поверхъ нея кладутся неразрѣзанные куски баранины. Одинъ изъ обѣдающихъ беретъ баранину прямо рукой и крошитъ ее на мелкіе куски. Готовятъ палау обыкновенно вечеромъ, къ закату солнца, днемъ же только въ случаѣ прихода гостей.

Это любимое кушанье въ такомъ почетѣ у сартовъ, что часто служитъ даже предметомъ подарка.

Такъ, напр., вечеромъ, наканунѣ большихъ праздниковъ, знакомые и родственники обмѣниваются другъ съ другомъ блюдами палау. Богатые люди частенько лакомятся этимъ излюбленнымъ народнымъ кушаньемъ; ну, а бѣдные, конечно, только изрѣдка могутъ побаловать себя имъ: вѣдь, блюдо это не изъ дешевыхъ. Однако, всякій, даже и мало-

состоятельный человекъ, хоть разъ въ недѣлю непременно старается полакомиться имъ—а именно: подь праздникъ въ четвергъ вечеромъ: известно, что магометане празднуютъ пятницу, какъ мы воскресенье.

Это же самое кушанье готовится еще и въ жидкомъ видѣ, и получается, собственно, рисовая размазня на салѣ, смѣшанная съ мелкими кусочками баранины, морковью и лукомъ.

Кромѣ этого излюбленнаго блюда, сарты готовятъ еще супъ изъ баранины или другого какого-либо мяса, приправленный перцемъ, лукомъ, морковью, рѣпой или тыквой. Дѣлаютъ еще похлебку изъ мелко изрубленнаго мяса съ рисомъ, лукомъ и кислымъ молокомъ. Въ богатыхъ домахъ приготовляются колбасы изъ баранины, изрубленной съ печенкой и перемѣшанной съ рисомъ, а также и конскія колбасы.

Менѣе зажиточныя семьи довольствуются болѣе скудною пищею; баранина и, вообще, мясо тамъ рѣдкіе гости, а ѣдятъ больше молочную рисовую кашу, жидкую кашицу изъ пшена, приправленную квашенымъ кипяченымъ молокомъ, болтушку изъ муки, поджаренной съ саломъ, въ видѣ жидкаго киселя, похлебку на молокѣ съ тыквой и рисомъ и т. д.

Кромѣ всѣхъ перечисленныхъ блюдъ, у сартовъ

есть еще одно очень любопытное кушанье, известное подь названіемъ *сумалѣка*; это — родъ жидкаго киселя, который готовится изъ солода и муки, для чего искусственно проращиваютъ пшеницу. Варятъ сумалѣкъ всегда раннею весной, и на торжество это приглашаются однѣ только женщины и дѣвушки, при чемъ каждая гостя приноситъ съ собою немного муки и солода. Собираются обыкновенно вечеромъ; почти всю ночь напролетъ старухи стоятъ надъ котломъ и варятъ сумалѣкъ, произнося при этомъ различныя молитвы, а молодыя женщины и дѣвушки лакомятся орѣхами, изюмомъ и разными сладостями. Если случится, что на такой праздникъ случайно забредетъ какой-либо посторонній мужчина, то сартянки не разбѣгаются во всѣ стороны и не прячутся, какъ обыкновенно, а преспокойно продолжаютъ пировать. Вотъ почему и бываетъ частенько, что на такихъ женскихъ сборищахъ молодежь высматриваетъ себѣ невѣсть. Только на утро вся компанія расходится по домамъ, унося съ собою въ чашкахъ недоѣденный сумалѣкъ.

Лѣтомъ главную пищу сартовъ, какъ въ городахъ, такъ и селеніяхъ, составляютъ пшеничныя лепешки, кислое молоко и всевозможные плоды, которыми такъ богатъ этотъ край. Въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ запашки значительнѣе, ѣдятъ и мяса больше, такъ какъ, лишь только хлѣбъ поспѣваетъ,

поселяне начинают вплоть до глубокой осени обмѣнивать его у мясниковъ на сало и мясо.

Ѣдятъ сарты прямо на полу: ни столовъ, ни стульевъ, ни вилокъ, ни ножей не полагается. Палау вся семья ѣстъ обыкновенно изъ общей чашки, а другія кушанья каждый въ особой посудѣ, при чемъ первую чашку хозяйка всегда наливаетъ мужу или старшему въ семьѣ, а затѣмъ уже остальнымъ членамъ, себѣ же наливаетъ уже послѣ всѣхъ. Готовится кушанье очень опрятно, такъ какъ законъ запрещаетъ сартянкѣ дотрогиваться до него немытыми руками; такъ же достаточно опрятно содержится и вся посуда. Топливомъ при изготовленіи пищи служатъ главнымъ образомъ всевозможные отбросы растеній, всякія сорныя травы, стебли хлопчатника, тонкія вѣтки виноградника, котсрый подрѣзывается каждый годъ. Сартъ трудолюбивъ, но скупъ: взрощенное имъ дерево онъ бережетъ и холить—природа, вѣдь, обдѣлила его лѣсомъ. Угли же выжигаются въ горныхъ, дико растущихъ лѣсахъ.

Изъ напитковъ самый употребительный — чай. Готовятъ его сарты двоякимъ способомъ: или кипятятъ въ чайникахъ прямо на водѣ, или же варятъ въ котлѣ вмѣстѣ съ молокомъ, масломъ, перцемъ и солью. Состоятельные горожане по утрамъ пьютъ чай съ лепешками; бѣдные же зачастую вмѣ-

сто чая кипятятъ различныя травы. Въ селеніяхъ утромъ готовятъ прямо какую-либо жидкую кашу или же разогреваютъ вчерашніе остатки. Пьютъ чай въ фарфоровыхъ или глиняныхъ поливныхъ чашечкахъ и обыкновенно безъ сахара, хотя въ богатыхъ домахъ на столъ и подается блюдо съ мелко наколотымъ сахаромъ.

Крѣпкіе напитки хотя и запрещены законами магометанской вѣры, но, къ сожалѣнію, годъ отъ году начинаютъ ихъ употреблять все больше и больше. Многіе поэтому думаютъ, что сарты переняли пьянство у русскихъ послѣ завоеванія ими края. Однако, это не совсѣмъ справедливо. Правда, туземцы стали пить теперь больше водки и винограднаго вина, чѣмъ прежде, но зато у нихъ уже издавна былъ и свой опьяняющій напитокъ *буза*; это—родъ пива или браги, приготовляемый туземцами изъ проса. Да и до покоренія края сарты тайно изготовляли фруктовую водку и виноградное вино, и русскимъ властямъ немало потомъ пришлось бороться съ этимъ тайнымъ промысломъ. И хотя въ прежнія времена жестокіе ханскіе слуги безпощадно наказывали пьяницъ палками и плетью, но потихоньку сарты всегда пили, и нѣкоторыя туземныя книги по исторіи тамошняго края говорятъ намъ, что не только иные простые смертные, но даже нѣкоторые ханы были горькими пьяницами..

Кочевъ

взрослая. Уже рѣдко отпустятъ ее теперь одну далеко изъ дому; въ такихъ случаяхъ ее почти всегда сопровождаетъ кто-либо изъ младшихъ братьевъ или сестеръ. Но зато ходить по улицѣ въ компаніи сверстницъ-подругъ не считается зазорнымъ у сартовъ: на празднествахъ и различныхъ увеселеніяхъ молодыя дѣвушки расхаживаютъ совершенно свободно и безъ всякихъ провожатыхъ.

Какъ и у всякаго народа, сартовская дѣвушка любитъ повеселиться, а порою даже и изъ работы устраиваетъ себѣ праздникъ. Такъ, напр., у сартянокъ очень приняты работы пѣмочью: задумаетъ какая-нибудь женщина или дѣвушка очинять хлопокъ, перебивать вату, шить одѣяло или что-либо другое—сейчасъ созываетъ она къ себѣ на помочь знакомыхъ. И не скучаютъ сартянки на такой работѣ, а совсѣмъ наоборотъ: бубны такъ и гремятъ, а пляска и пѣсни вдоволь веселятъ душу... Хоть и небольшія мастерицы пѣтъ сартянки, но пѣсню все-таки любятъ, при чемъ самую лучшей пѣвицей считается та, которая всѣхъ громче взвизгиваетъ и выкрикиваетъ слова; вотъ почему всѣ онѣ и стараются пѣтъ какъ можно тоньше и громче.

Лѣтъ въ 13—15 дѣвушка уже выходитъ замужъ, при чемъ согласіе на бракъ даетъ не сама невѣста, а ея родители. Какъ и у прочихъ магометанскихъ народовъ, женихъ-сартъ долженъ уплатить родите-

ГЛАВА IV.

Сватовство. — Свадьба. — Похороны и поминки.

А КЪ и у другихъ восточныхъ народовъ, сватовство у сартовъ начинается очень рано. Уже въ 12—13 лѣтъ дѣвочка считается невѣстой, несмотря на то, что она съ большимъ увлеченіемъ играетъ еще въ куклы. Съ этого возраста женщины начинаютъ уже обращаться съ нею, какъ съ ровней, все чаще и чаще заговаривая о предстоящемъ ей вскорѣ замужествѣ.

Теперь юная невѣста все больше начинаетъ заниматься домашними работами, главнымъ образомъ—приготовленіемъ пищи, очисткой хлопка и пряжей нитокъ. Уже прошла та счастливая пора, когда она беззаботно рѣзвилась на улицѣ съ подругами: по обычаю, она можетъ забавляться теперь съ ними только дома; если же ей понадобится пойти за чѣмъ-нибудь на улицу, то она должна держать себя чинно, степенно и скромно, какъ

лямъ невѣсты выкупъ за нее, который наз. *калымъ*. Размѣръ калыма зависитъ, конечно, отъ достатка обѣихъ семей: чѣмъ богаче родные невѣсты, тѣмъ богаче ищутъ они и жениха, а слѣдовательно—и калымъ будетъ больше.

Этотъ обычай—уплачивать за невѣсту выкупъ—большое благо для сартовской семьи. Мы уже знаемъ, что законъ разрѣшаетъ у этого народа многоженство: сартъ можетъ имѣть до четырехъ женъ заразъ; но, на дѣлѣ, правомъ этимъ пользуются лишь самые богатые люди: вѣдь, за каждую жену приходится давать калымъ, а для средняго чело-вѣка это очень накладно. Вотъ почему у большинства сартовъ имѣется по одной только женѣ, а стало быть, раздоровъ и ссоръ въ семьѣ меньше. Нигдѣ не встрѣтить столько свары, какъ въ богатыхъ семьяхъ, гдѣ нѣсколько женъ: у каждой свои дѣти, за которыхъ она заступается, враждуетъ съ другими женами; братья и сестры отъ разныхъ матерей тоже ссорятся между собою, и не сыскать конца навѣтамъ, злобѣ и раздорамъ въ такой несчастной семьѣ! Страдаютъ всѣ—и жены, и дѣти, страдаетъ и самъ властелинъ, и горько подчасъ клянетъ онъ тотъ день, когда соблазнился велѣ-ніями своей вѣры и вздумалъ взять себѣ лишнюю жену... Дѣло доходитъ иногда до того, что, изма-ввшись съ бабами, такой горемыка-богачъ выби-

раетъ изъ нихъ самую подходящую, а съ осталь-ными разводится, клятвенно обѣщая уже никогда больше не жениться при живой женѣ. А иной разумный чело-вѣкъ еще и лучше того сдѣлаетъ: при-шло ему въ голову взять другую жену, но, глядя на пріятелей, измучившихся съ нѣсколькими же-нами, возьметъ да и махнетъ на это дѣло рукой. „Богъ съ вами“, подумаетъ такой остановившійся во-время умница, „заводите себѣ сколько хотите женъ, а я ужъ съ одной какъ-нибудь вѣкъ дотяну. И съ этой-то подчасъ сладу нѣтъ, а съ двумя что бу-детъ? Хоть совсѣмъ со свѣту бѣги тогда!“

Въ разное время, т.-е. послѣ смерти жены или развода съ нею, сартъ можетъ жениться сколько ему угодно разъ. То же самое и женщина: овдо-вѣвъ, она можетъ выходить замужъ сколько ей вздумается. Но полюбится ей другой при живомъ мужѣ, она должна сначала развестись съ нимъ, а потомъ уже можетъ выходить замужъ за любимаго чело-вѣка. Однако, разводы у сартовъ все-таки слу-чаются не часто, и причина тутъ опять-таки ка-лымъ: если затѣялъ разводиться мужъ, то пропа-даетъ его выкупъ, а за новую жену опять, вѣдь, придется платить. А надумала избавиться отъ мужа жена, опять бѣда: родители ея обязаны, по закону, вернуть мужу калымъ, который они полу-чили за дочь, а откуда его взять, когда давно уже

отъ него ни духу ни слуху не осталось?.. Вотъ почему позволить себѣ такую роскошь, какъ разводъ, могутъ опять-таки только богатые люди, которымъ деньги ни по чемъ.

Если въ семьѣ сарта нѣсколько женъ, то хозяйкой дома считается всегда первая изъ нихъ: она наблюдаетъ за домашними дѣлами, сама дѣлаетъ только ту работу, которую захочетъ; все же остальное обязаны исполнять по ея указанію младшія жены. Законъ велитъ послѣднимъ относиться съ почтеніемъ къ старшей женѣ, но на дѣлѣ, какъ мы говорили уже выше, этого никогда почти не бываетъ: сартянка права очень задорнаго. Правда, изрѣдка бываютъ случаи, когда двѣ жены живутъ между собою мирно и тихо, но тутъ уже неволя заставляеть. Такъ, напр., одна у сарта жена, да ребята одолѣли; а тутъ еще дойная скотина и много другой домашней работы,—трудно ей управиться со всѣмъ этимъ. Служанку, особенно въ селеніяхъ, достать очень трудно, какой-нибудь безпріютной родственницы тоже не случилось; подумаетъ-подумаетъ жена, да, истомившись на работѣ, сама еще и высватаетъ мужу вторую жену, лишь бы была работница хорошая да нравомъ уживчива...

Теперь посмотримъ, какъ устраивается самое сватовство у сартовъ. Мы уже знаемъ, что согласіе

на бракъ зависитъ не отъ невѣсты, а отъ ея родителей, при чемъ сартъ охотнѣе отдастъ дочь за ближняго жениха или за родню (конечно, насколько это разрѣшается закономъ), чѣмъ за дальняго или чуждаго человѣка. Тутъ родители разсуждаютъ такъ, что, очутившись на чужбинѣ, дочь ихъ вначалѣ будетъ сильно тосковать и, въ случаѣ чего, заступиться-то за нее некому будетъ. А что касается до брака по родству, то и жениховы родные обыкновенно рады бываютъ такому случаю: родные, вѣдь, посговорчивѣе будутъ насчетъ калыма, и по-родственному можно и оттянуть кое-что.

Въ городахъ нерѣдко случается, что женихъ до самой свадьбы не знаетъ своей невѣсты, а видитъ ее впервые, когда молодую послѣ вѣнца привезутъ къ нему въ домъ. Но тамъ, гдѣ сартъ женится на своей же односельчанкѣ или въ городахъ на дѣвушкѣ одного съ нимъ квартала, онъ прекрасно знаетъ свою будущую жену: и дѣвочкой-то онъ видалъ ее, когда она сбѣгала по улицамъ еще съ откѣрытымъ лицомъ, а въ крайнемъ случаѣ и родственницы его всегда помогутъ ему устроить дѣло такъ, чтобы онъ еще до сватовства могъ разглядѣть свою суженую. Ну, а невѣстѣ разсмотрѣть жениха и вовсе нетрудно: мужчина, вѣдь, лица не закрываетъ; тѣмъ не менѣе очень рѣдко молоденькая сартянка выходитъ по любви: выбираетъ, вѣдь, не она, а родители рѣ-

шаютъ ея участь. Зато вдова или разведенная жена, вступающая во второй бракъ, рѣшаетъ уже дѣло своею волей, и родители не вмѣшиваются; ну, а дѣвушкѣ подчасъ приходится куда какъ круто.

Въ старину существовалъ обычай сговаривать дѣтей еще съ колыбели. Дружатъ между собою родители мальчика и дѣвочки, возьмутъ да и порѣшатъ дѣло съ пеленокъ. И насчетъ калыма легче въ такихъ случаяхъ бывало жениховымъ роднымъ: отъ сговора до свадьбы еще сколько лѣтъ пройдетъ, — постепенно и можно будетъ выплачивать. Но теперь обычай этотъ уже выводится изъ употребленія, — сватовство начинается гораздо позже, когда дѣвушкѣ 13—15 лѣтъ, а парню 16—18. Въ этомъ же возрастѣ они и женятся, если только, конечно, родители жениха сумѣли припасти калымъ.

Вотъ порѣшили, наконецъ, родители, что пришла пора женить сына и надо начать сватовство. Собирается прежде всего семейный совѣтъ и начинаетъ разбирать невѣсту. Остановившись на известной дѣвушкѣ, посылаютъ къ ея родителямъ сваху или родственницу жениха. Если выбрана невѣста изъ незнакомаго дома, то сваха не только самымъ внимательнымъ образомъ разглядываетъ невѣсту, но еще зорко слѣдитъ за порядкомъ въ домѣ: сарты твердо увѣрены, что, какова мать, такова же будетъ и дочь. Если родители невѣсты сразу даютъ

согласіе, то сваха тутъ же получаетъ въ подарокъ платокъ, полотенце или другую какую-нибудь вещь. Но бываютъ случаи, что и родители невѣсты сначала хотятъ поглядѣть жениха и его домъ и просятъ подождать отвѣта, сами же тѣмъ временемъ снаряжаютъ къ нему на развѣдки какую-либо родственницу. Черезъ нѣсколько дней жениховы свахи снова являются за отвѣтомъ.

И вотъ, наконецъ, съ Божіей помощью все улажено: свахи вернулись съ радостною вѣстью, и на другой день мужчины изъ семьи жениха отправляются къ невѣстинымъ роднымъ, чтобы столковаться насчетъ калыма, подарковъ невѣстѣ, свадебнаго угощенія и другихъ важныхъ статей. Какъ только всѣ эти вопросы покончены, родственники жениха опять направляются въ домъ невѣсты и на этотъ разъ несутъ съ собою чашку палау, лепешекъ и, смотря по достатку, разные подарки невѣстѣ, какъ-то: калоши, зеркальце, ситцы или шелковыя матеріи и т. д. Конечно, чѣмъ богаче женихъ, тѣмъ цѣннѣе подарки, и въ богатыхъ семьяхъ на нихъ иногда тратится изрядная сумма.

Лица, принесшія подарки, принимаются съ большимъ почетомъ. Послѣ обильнаго угощенія кто-либо изъ присутствующихъ произноситъ вслухъ: „Богъ великъ!“, и тогда считается, что обрученіе состоялось, хотя ни жениха ни невѣсты при этомъ не

было. По обычаю, родные невесты, дабы не ударить лицомъ въ грязь, всегда отдариваютъ щедраго жениха: тѣ же самые подносы, на которыхъ принесены подарки невестѣ, нагружаются цѣнными вещами и отсылаются въ домъ жениха.

Послѣ сговора невеста должна самымъ старательнымъ образомъ избѣгать встрѣчи со всею жениховой родней, такъ же какъ и онъ прятаться отъ ея родныхъ. Немало потѣхи бываетъ у сартовъ благодаря этому странному обычаю. Стоитъ, напримеръ, на базарѣ невестинъ отецъ и приторговываетъ себѣ арбузы; вокругъ арбы, народу много. Вдругъ подходитъ женихъ и тоже начинаетъ прицѣпываться къ товару, не подозревая, что тутъ же стоитъ его будущій тесть. А народъ вокругъ уже смекнулъ, въ чемъ дѣло, и начинаетъ потихоньку пересмѣиваться. Вотъ старикъ оглянулся, смотритъ по сторонамъ, чего смѣются люди? Оглянулся и женихъ, и, увидавъ другъ друга, оба какъ шальные бросились въ разныя стороны при дружномъ хохотѣ довольныхъ земляковъ.

Срокъ свадьбы зависитъ какъ отъ возраста сговоренныхъ, такъ и отъ уплаты калыма. Если родители жениха люди зажиточные и могутъ безъ задержки уплатить условленный выкупъ, да и возрастъ жениха и невесты подходящий, то свадьба не откладывается на дальній срокъ. Не бѣда также

когда при небольшомъ достаткѣ юный возрастъ сговоренныхъ задерживаетъ дѣло: тѣмъ временемъ калымъ можно будетъ выплатить частями. Но вотъ горе, когда семья жениха бѣдная, изъ силъ выбивается, чтобы рассчитаться въ условленный срокъ, да ничего не выходитъ; свадьба затягивается иногда надолго, невеста, смотришь, давно считается совершеннолѣтней по сартовскимъ законамъ. Вотъ тутъ-то между обѣими семьями поднимаются споры да раздоры, и иногда дѣло доходитъ до того, что обѣ стороны чуть не разоряются. Родители невесты торопятъ уплатою калыма, а бѣдная женихова семья, какъ ни выбивается изъ силъ, какъ ни разоряетъ свое хозяйство, а все-таки совсѣмъ развязаться не можетъ. Но и невестина родня при этомъ попадаетъ въ просакъ: калымъ-то они все время получали частями и тратили на свои домашнія нужды, а тутъ свадьба не за горами, и не на что дочери приданое справить. Вотъ когда наступаетъ самая тяжелая и разорительная пора въ семьѣ невесты! Недаромъ, видно, сартовская пословица говорить: „Какъ отдашь дочь замужъ, въ домѣ и вѣника не останется!“

Крайне рѣдко случается, чтобы свадьба почему-либо разстроилась послѣ того, когда уплачена хотя бы часть калыма: очень уже накладно выходитъ для гои семьи, которая задумала отказываться. Если

отказъ идетъ отъ жениха, онъ, по закону, теряетъ свой выкупъ; если же раздумали родители невесты, они обязаны немедленно вернуть жениху все сполна. Тотъ же порядокъ соблюдается и на случай смерти сговоренныхъ: умереть женихъ, его калымъ пропадаетъ, а умереть невеста, ея родные обязаны вернуть все полученное въ семью ея жениха.

Свадьба у сартовъ празднуется по большей части осенью или зимою. Тогда и времени свободнаго у людей больше, да за весну и лѣто успѣваютъ запастись такими необходимыми для этого торжества предметами, какъ зерно, хлопокъ и т. д.

Какъ только условлена окончательная уплата калыма, назначается и день свадьбы. Наканунъ или за нѣсколько дней до этого праздника, въ домъ невесты справляется дѣвичникъ, на который собираются подружки и знакомыя женщины. Тутъ гости веселятся на славу, развлекаются пѣснями, плясками, ставится праздничное угощеніе.

Самое вѣнчаніе всегда происходитъ въ домъ невесты, обыкновенно вечеромъ, и совершается чрезвычайно просто. Приходитъ женихъ, съ нимъ нѣсколько свидѣтелей изъ родственниковъ его; невеста же тѣмъ временемъ сидитъ въ углу комнаты за занавѣской. Приглашенный для вѣнчанія имамъ

спрашиваетъ жениха и невесту, по согласію ли они вступаютъ въ бракъ? Если невеста—дѣвушка, то законъ позволяетъ ей, во вниманіе къ ея дѣвической стыдливости, не отвѣчать на этотъ вопросъ; если же вѣнчается вдова или разведенная, то она обязана непременно отвѣтить на него. Послѣ этого имамъ читаетъ положенную молитву, и обрядъ вѣнчанія конченъ.

Угостившись на славу, женихъ и свидѣтели его отправляются во-свои; молодую же привозятъ къ мужу потомъ, въ городахъ вскорѣ же послѣ вѣнчанія, а въ селеніяхъ по большей части только черезъ нѣсколько дней.

Вотъ, наконецъ, настало и время отъѣзда молодой. Уже за нѣсколько часовъ къ дому ея потянулись со всѣхъ сторонъ родственницы и знакомыя. Начинается грустный обычай прощанія съ родимымъ кровомъ: молодая садится на середину комнаты; на ней бѣлая кисейная рубашка, а голова повязана нѣсколькими платками, на подобіе чалмы; со всѣхъ сторонъ ее окружаютъ женщины—родственницы и знакомыя, и поднимается невообразимый вой.

Когда всѣ досыта наголосились, молодая встаетъ; ей закутываютъ лицо черною волосяной сѣткой и надѣваютъ длинный халатъ. Лишь только она снарядилась въ путь, отецъ беретъ ее за руку и вы-

ВОДИТЬ ИЗЪ КОМНАТЫ; ЖЕНЩИНЫ ПРИЧИТАЮТЪ И ГОЛОСИТЬ НА ЧЕМЪ СВѢТЪ СТОИТЬ. Но едва всѣ очутились на дворѣ, какъ шумъ разомъ стихаетъ. А на улицѣ, передъ домою, уже стоятъ одна или двѣ арбы,

смотря по количеству приданаго новобрачной. Толпа ребятшекъ тутъ какъ тутъ; у нѣкоторыхъ въ рукахъ бубны. Молодая садится въ арбу, за нею влѣзаетъ цѣлая куча бабъ и набиваются какъ сельди въ боченкѣ; другая же арба нагружается приданымъ. Наконецъ, свадебный поѣздъ трогается въ путь, несчастная лошаденка еле снимаетъ съ мѣста переполненную арбу и плетется, выбиваясь изъ силъ... А тутъ еще рядомъ бѣгутъ мальчишки и хватаются за колеса; нѣкоторые изъ нихъ оглушительно бьютъ въ бубны и во все горло орутъ свадебныя пѣсни...

Медленно двигается свадебный поѣздъ, такъ медленно, что едва обѣ арбы останавливаются передъ домою молодого, какъ тутъ же поспѣваютъ пѣшкомъ всѣ тѣ женщины, которымъ не хватило мѣста въ арбѣ. Вотъ молодую ввели во дворъ, и тутъ же у самыхъ воротъ всѣ останавливаются. Одна изъ свахъ подходитъ къ новобрачной, обнимаетъ ее, медленно ведетъ впередъ и, мѣрно выступая шагъ за шагомъ, выкрикиваетъ по старшинству имена молодого и всѣхъ его близкихъ родныхъ, посылая каждому отдѣльный привѣтъ. Такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока все шествіе не вступитъ во внутренній дворъ, гдѣ сваха въ послѣдній разъ выкрикиваетъ: „Всѣмъ привѣтъ—большимъ и малымъ!“ Тутъ женщины входятъ въ комнаты, а мужчины отправляются на свою половину, и начинается пиръ горой, который, смотря по достатку молодыхъ, длится иногда очень долго.

Переселившись въ домъ своего мужа, молодая, по обычаю, цѣлыхъ три дня сидитъ за занавѣской, скрываясь отъ своей новой родни. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, особенно въ селеніяхъ, она на третій день послѣ свадьбы, рано утромъ уходитъ къ своимъ роднымъ, гдѣ и остается на весь день. Вечеромъ оттуда шлютъ пословъ за молодымъ и его родителями; начинается угощеніе, послѣ котораго новобрачные идутъ къ себѣ домой, и съ той поры

молодая уже перестает прятаться от родных своего мужа.

В родительском домѣ молодымъ отводится отдѣльная комната, и живутъ они первое время всѣ сообща: пищу получаютъ изъ общаго котла, одежду справляетъ или старикъ отецъ, или же сами молодые тратятъ на это часть заработка. Иногда, правда, очень рѣдко, бываетъ, что молодые поселяются не у мужниныхъ родныхъ, а въ домѣ новобрачной, а именно: если молодой круглый сирота или молодая богаче своего мужа.

Но вотъ зажила новобрачная со своею новою родней. Первое время все какъ-будто идетъ хорошо — миръ и ладъ въ семьѣ, на молодую не налагаютъ съ работой, а даютъ ей попривыкнуть къ новой жизни, новымъ людямъ и порядкамъ. Но едва проходитъ мѣсяць-другой, какъ свекровь мало-по-малу взваливаетъ на нее почти всѣ домашнія работы, а вмѣстѣ съ тѣмъ приходитъ и миру конецъ. Молодая недовольна непосильнымъ трудомъ, свекровь обрушивается на нее съ безконечными упреками въ дармоѣдствѣ и лѣни... А молодой, заступаясь за жену, попутно упрекаетъ отца, что тотъ скупится на наряды ей изъ общихъ суммъ; словомъ, не проходитъ еще и года, а молодые уже крѣпко начинаютъ подумывать, какъ бы отдѣлиться отъ стариковъ. Такіе раздѣлы настолько часты у сартовъ,

что въ зажиточныхъ семьяхъ сами старики выдѣляютъ женатымъ сыновей спустя годъ послѣ свадьбы. Молодымъ отстраивается домъ на своемъ или покупномъ участкѣ, даются необходимый рабочій скотъ и орудія для веденія самостоятельнаго хозяйства.

Однако, въ нѣкоторыхъ богатыхъ, особенно купеческихъ семьяхъ бываетъ и наоборотъ: старики-родители и нѣсколько женатымъ сыновей ведутъ дѣло сообща, не помышляя о раздѣлѣ, живутъ они всѣ или на одномъ дворѣ или же на нѣсколькихъ смежныхъ, и лишь послѣ смерти отца распадается это большое общее хозяйство.

Ну, а бѣднымъ людямъ вездѣ, конечно, живется худо на свѣтѣ. Если родители не въ силахъ выдѣлить сына, устроивъ ему самостоятельное хозяйство, то молодые сами, на свой страхъ, отдѣляются отъ стариковъ. Они хотя и остаются жить съ ними на одномъ дворѣ, но заводятъ отдѣльный котелъ, свою посуду и тогда уже работаютъ и ѣдятъ особо отъ стариковъ. Нечего говорить, что отъ такого порядка обѣ семьи терпятъ одинъ лишь убытокъ: раздоры же, благодаря близкому сосѣдству, все равно не прекращаются между ними...

Мы уже знаемъ теперь, какъ происходятъ такія радостныя событія въ семьѣ сарта, какъ сватовство и свадьба. Поговоримъ теперь о болѣе грустныхъ минутахъ человѣческой жизни—о смерти и похоронахъ.

Достигнувъ преклоннаго возраста и сартъ и сартянка съ замѣчательнымъ спокойствіемъ ожидаютъ смертнаго часа. Они вѣрятъ, что каждому человѣку заранѣе predetermined срокъ жизни, что никакими силами нельзя измѣнить его, и спокойно и безропотно покоряются судьбѣ... Такъ, напр., на одного муллу, еще молодого человѣка, напали разбойники и нанесли ему смертельныя раны. До самыхъ послѣднихъ мгновеній умирающій былъ въ полной памяти и съ необыкновеннымъ спокойствіемъ, уже коснѣющимъ языкомъ, самъ читалъ себѣ отходную.

Едва умирающій выпускаетъ послѣдній вздохъ, какъ тотчасъ же начинается обычай *опликиванія*. Покойнику закрываютъ вѣки, подвязываютъ платкомъ нижнюю челюсть, дабы ротъ былъ плотно закрытъ, руки вытягиваютъ вдоль тѣла и покрываютъ трупъ кускомъ какой-нибудь матеріи. Поднимаются вопли и причитанія, на которыя собираются сосѣди; къ роднымъ и знакомымъ шлютъ вѣсть о томъ, что воля судебъ совершилась. Получивъ это печальное извѣстіе, сарты, обыкновенно, говорятъ: „Богъ да будетъ милостивъ къ нему (или къ ней)!“

Приходятъ особые омывальщики или омывальщицы покойниковъ. Понемногу начинаютъ сходиться родные и знакомые. Женщины идутъ во внутренній дворъ, мужчины же собираются на своей половинѣ. Если умеръ мужчина, то его оплакиваютъ и мужчины и всѣ собравшіяся женщины,—конечно, каждый полъ отдѣльно, на своей половинѣ; покойницу же оплакиваютъ однѣ только женщины, а изъ мужчинъ лишь самые близкіе люди—мужъ, сыновья и братья.

Омовеніе покойника происходитъ всегда въ отдѣльной комнатѣ, при чемъ омывающіе надѣваютъ на руки маленькіе мѣшечки, такъ какъ мертвое тѣло считается у сартовъ (какъ и у прочихъ магометанъ) предметомъ нечистымъ, прикосновеніе къ которому можетъ осквернить человѣка. Послѣ омовенія на покойника надѣваютъ саванъ изъ бѣлой бумажной матеріи, сшитый на подобіе мѣшка, только открытаго съ обоихъ концовъ. Концы эти завязываются надъ головой и у подошвъ, такъ что весь покойникъ какъ бы спрятанъ въ мѣшкѣ. Приносятъ длинныя похоронныя носилки, кладутъ на нихъ трупъ, который покрывается простыней, а иногда какою-нибудь матеріей или одеждой усопшаго, и выносятъ на наружный дворъ. Здѣсь собираются одни только мужчины, въ присутствіи которыхъ имамъ читаетъ установленную молитву, и затѣмъ они прощаются съ покойникомъ.

Хоронятъ сарты своихъ умершихъ или въ самый день смерти, или же, въ крайнемъ случаѣ, не позднѣе слѣдующаго утра. До кладбища носилки съ покойникомъ несутъ на рукахъ или ставятъ на арбу и провожаютъ его одни только мужчины; у каждаго въ правой рукѣ посохъ и *синій* платокъ — цвѣтъ печали у сартовъ. Все шествіе молча подвигается впередъ, и лишь, когда хоронятъ богатаго мужчину, его оплакиваютъ все время и по дорогѣ къ кладбищу.

Могилы у сартовъ роются большія и глубокія — въ человѣческой ростъ; на днѣ ихъ дѣлается выемка. Когда похоронное шествіе приблизилось къ могилѣ, въ нее опускаютъ прикрытое простынею тѣло, и, пока могильщики укладываютъ покойнаго въ выемку на днѣ могилы, присутствующіе наверху все время держатъ простыню за края и углы. Трупъ укладывается навзничъ, головой къ сѣверу; отверстіе выемки закладывается камнями или кирпичами, а вся яма засыпается землей. Тутъ имамъ читаетъ установленную молитву, послѣ чего всѣ возвращаются по домамъ.

На слѣдующій день, рано утромъ, съ первыми лучами солнца, на могилу отправляются женщины и воютъ тамъ по покойникѣ.

Если умираетъ женщина, не оставя послѣ себя дочерей, то мужъ продаетъ оставшіяся послѣ

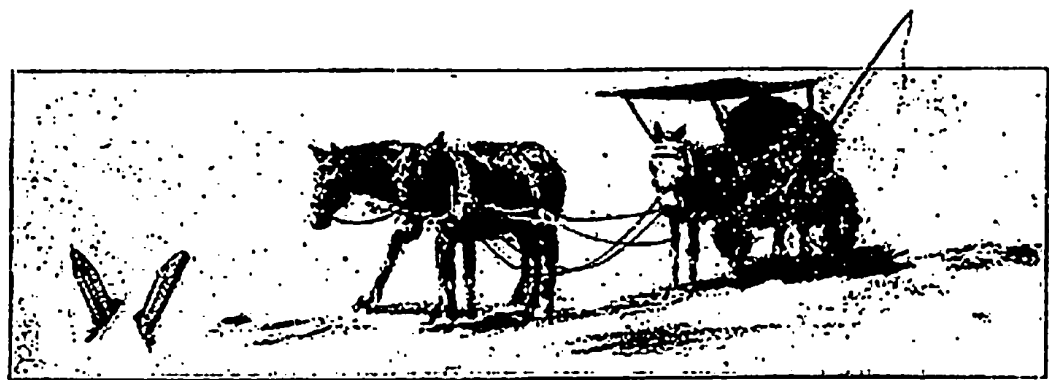
нея вещи и на вырученныя деньги справляетъ поминки. Кое-что изъ одежды покойницы полагается еще и тѣмъ родственницамъ, которыя оплакивали ее; точно такъ же и омывальщицы получаютъ или деньгами или что-нибудь изъ носильнаго платья покойной.

На третій день послѣ смерти устраиваются поминки, на которыя приглашаются какъ родные, такъ и близкіе знакомые. Здѣсь происходитъ угощеніе гостей и, кромѣ того, еще особый обрядъ оплакиванія поминаемаго покойника (или покойницы) женщинами. Всѣ онѣ на этотъ случай одѣваются въ синія рубахи, подпоясанныя синими же кушаками; въ правой рукѣ, въ знакъ печали, у каждой посохъ и синій платокъ. Наряженные такимъ образомъ, всѣ онѣ выходятъ на середину комнаты и такъ же, какъ въ день похоронъ, начинаютъ приплясывать, выть и причитать. Иногда при этомъ женщины входятъ въ такой азартъ, что принимаютъ прямо неистовствовать: онѣ рвутъ на себѣ волосы, царапаютъ лицо и т. д.

Слѣдующія поминки сарты устраиваютъ въ сороковой день и въ годовщину смерти покойнаго.

ГЛАВА V.

Чѣмъ занимаются сарты?

ХОТЯ сарты народъ немногочисленный— ихъ всего около милліона душъ, — но занимаются они самымъ разнообразнымъ трудомъ. Однако, главное занятіе ихъ все же составляетъ земледѣліе, которое процвѣтаетъ въ трехъ областяхъ Туркестана, населенныхъ сартами: Сыръ-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской.

Мы уже упоминали, что магометанская вѣра считаетъ трудъ пахаря самымъ благороднымъ на землѣ. Въ одномъ сказаніи сартовъ говорится, что земледѣліе имѣетъ божественное происхожденіе и первымъ пахаремъ былъ архангелъ Гавріиль. Когда Адамъ былъ изгнанъ изъ рая и долженъ былъ самъ отыскивать себѣ пропитаніе, къ нему на помощь

явился архангелъ Гавріиль: онъ смастерилъ первый плугъ изъ одного райскаго дерева, тамъ же срѣзалъ съ куста первый хлысть, вывелъ изъ рая первую пару быковъ и, проведя нѣсколько бороздъ по землѣ, передалъ плугъ Адаму... Въ этомъ же любопытномъ сказаніи говорится, что земледѣліе самое достойное изъ всѣхъ занятій человѣка, такъ какъ при немъ легче сохранить чистоту души и, кромѣ того, плодами его трудовъ одинаково питаются и богатый и бѣдный, и малый и великій, и сильный и слабый...

Въ былое время каждый почтенный земледѣлецъ, передъ тѣмъ какъ выйти весною на работу въ поле, собиралъ всѣхъ домочадцевъ и прочитывалъ имъ сказаніе о первомъ пахарѣ; въ этотъ день готовилось любимое народное кушанье палау, которымъ угощались равно хозяева и работники. Собираясь въ путь, земледѣлецъ смазывалъ рога воловъ льнянымъ масломъ, что, по народному повѣрью, должно было охранять ихъ отъ разныхъ болѣзней; только послѣ всего этого богобоязненный сартъ отправлялся въ поле и приступалъ къ работѣ.

Насколько народъ этотъ сроднился съ землей, видно хотя бы изъ того, что тамошніе богатые купцы, ведущіе даже торговля дѣла съ Россіей, не только не бросаютъ земли, а наоборотъ: чѣмъ

больше они богатѣютъ, тѣмъ все больше расширяютъ свои посѣвы. И что замѣчательнѣе всего — богатство очень мало сказывается на обычной жизни сарта: есть множество купцовъ-богатѣевъ, которыхъ по виду, одѣянію и домашней жизни не отличишь отъ самаго обыкновеннаго земледѣльца-сарта.

Изъ хлѣбныхъ растений туземецъ засѣваетъ больше всего пшеницу, которая въ Туркестанѣ бываетъ четырехъ сортовъ: 1) *красная* пшеница — самая цѣнная, изъ которой готовится наилучшій хлѣбъ; 2) *бѣлая* — похожа на нашу пшеницу; 3) *черноколосая* — съ тоненькими темнокоричневыми зернами, растетъ въ дикомъ видѣ и больше идетъ на кормъ лошадямъ и, наконецъ, 4) такъ-называемая *лѣтній плодъ*, — сортъ, посѣвающій въ самое короткое время; пшеница эта замѣчательно легко-вѣсна и употребляется въ примѣси съ другими сортами; растетъ также въ дикомъ видѣ.

Кромѣ пшеницы, засѣваются *рисъ*, *просо*, *ячмень*, и *джугара*, мѣстами *кунакъ* (оба послѣднихъ злака — родъ мелкаго проса).

Едва ли половина сартовъ, занимающихся исключительно земледѣліемъ, имѣетъ достаточный участокъ земли, доходъ съ котораго обезпечивалъ бы имъ жизнь. Большинство же земледѣльцевъ со-
всѣмъ не имѣетъ своей земли; они или нанимаются

въ работники на все время полевыхъ работъ, или же арендуютъ чужую землю. Работникъ получаетъ отъ хозяина все необходимое для работы: зерно для посѣва, плугъ и воловъ или лошадей; самъ же онъ даетъ только свой трудъ и обязанъ вспахать землю, засѣять и слѣдить за орошеніемъ ея, убрать урожай и ухаживать за рабочимъ скотомъ. За все это работнику полагается четвертая часть урожая пшеницы и третья хлопка и джугары. Но до расчета хозяинъ изъ общаго сбора вычитываетъ еще одну пятую часть на подати и плату жнецамъ. Живетъ такой работникъ чаще всего у себя въ домѣ, особенно если онъ семейный; харчи же (на себя одного) получаетъ отъ хозяина, но по желанію можетъ получать ихъ прямо натурой.

Въ жнецы идутъ рабочіе изъ бѣдныхъ горожанъ или тѣхъ сельскихъ жителей, которымъ почему-либо не удалось пристроиться въ работники. За свой трудъ они получаютъ плату исподу, какъ отъ хозяина, такъ и отъ работника, и всегда зерномъ, а не деньгами. Работаютъ жнецы все время на хозяйскихъ харчахъ, расчетъ же получаютъ разомъ уже послѣ окончательной уборки урожая. Поэтому зачастую бываютъ такіе случаи: являются жнецы издалека, работаютъ у совершенно незнакомыхъ имъ людей и, окончивъ работу, отправляются во-
сегодня. Только въ концѣ дѣла или въ началѣ осени
САРТЫ. 6

приходятъ они за расчетомъ, и, несмотря на то, что у нихъ не заключено съ хозяиномъ никакихъ письменныхъ условій, никогда не бываетъ ни споровъ ни обмана.

Земледѣлецъ-арендаторъ мало чѣмъ отличается отъ описаннаго выше работника. Живетъ онъ по большей части тутъ же на арендованной землѣ, иногда въ хозяйскомъ помѣщеніи, а иногда строить и свой собственный домъ, и нерѣдко случается, что мѣсто подъ усадьбой онъ пріобрѣтаетъ потомъ въ полную собственность. Условія аренды зависятъ отъ того, кто даетъ зерно для посѣва, орудія и рабочій скотъ: если все это было отъ арендатора, то изъ урожая вычитаютъ подати и плату жнецамъ, а остальное дѣлится пополамъ между нимъ и хозяиномъ земли; если же отъ хозяина, то арендатору за его трудъ полагается столько же, сколько и работнику. Надо замѣтить, что мы брали здѣсь среднюю плату за трудъ, такъ какъ мѣстами она выше, мѣстами ниже, въ зависимости отъ доходности земли и количества рабочихъ рукъ; понятно, что при избыткѣ рабочихъ плата понижается и наоборотъ.

Поденный трудъ въ сельскихъ мѣстностяхъ никогда почти не встрѣчается, а принятъ лишь въ пригородныхъ мѣстахъ; поденниковъ тамъ нанимаютъ для окучиванія дынь, джугары, кукурузы и

хлопчатника; въ селеніяхъ же всѣ эти работы производятся взаимною помочью. Расходы на поденныхъ рабочихъ несетъ, смотря по уговору, или одинъ хозяинъ или пополамъ съ работникомъ.

Къ сожалѣнію, и среди сартовъ-земледѣльцевъ такъ же немало безземельныхъ, какъ у насъ. Чѣмъ ближе селеніе къ городу, тѣмъ больше въ немъ безземельныхъ, хотя даже въ самыхъ глухихъ мѣстахъ трудно встрѣтить такое селеніе, гдѣ бы ихъ совсѣмъ не было. И такъ же, какъ и у насъ, число безземельныхъ сартовъ изъ году въ годъ все растетъ да растетъ...

Цѣна на землю зависитъ, конечно, отъ ея доходности. Но какъ бы ни была она дорога, какъ бы мало ея ни было у сарта, онъ всегда сумѣетъ выжать изъ своей доли все, что только возможно: ни одного самага крошечнаго клочка онъ не оставитъ безъ обработки—до того трудолюбивъ и расчетливъ этотъ народъ. Ни одинъ прутикъ ни одна травка не пропадаютъ у сарта даромъ: нельзя скормить скоту, такъ онъ сожжетъ ихъ подъ котломъ, лишь бы зря не пропадали.

Послѣ земледѣлія слѣдуютъ садоводство и огородничество. Сады составляютъ красу Туркестана и гордость туземцевъ: богачь-сартъ щеголяетъ своими садами, и ими же измѣряется его богатство. Ухитрившись покрыть безводную песчаную степь

обширными прекрасными садами, сартъ бережно делѣть свое любимое дѣтище: онъ обноситъ свой садъ глиняною стѣной, вдоль которой сажаетъ еще тополь, таль и тутъ, чтобы защитить свои плодовые деревья отъ холодныхъ вѣтровъ.

Посреди сада выкапывается прудъ, отъ котораго тянутся во всѣ стороны арыки.

Изъ плодовыхъ деревьевъ и кустарниковъ трудолюбивый сартъ разводитъ виноградники, персики, гранаты, смоковницу, айву, тутъ, яблоки, груши, сливы, вишни, волошскіе орѣхи и мѣстами миндаль. Туземные плоды не отличались раньше особенно нѣжнымъ вкусомъ; сарты не имѣли понятія ни о прищепѣ ни о прививкѣ. Но съ приходомъ русскихъ для садовъ наступила счастливая пора: наши любители-садоводы не пожалѣли трудовъ и денегъ, развели въ Туркестанѣ лучшіе сорта плодовыхъ деревьевъ, и, глядя на нихъ, смысленный туземецъ уже безъ всякихъ затратъ улучшилъ свои породы.

На огородахъ сартъ разводитъ дыни разныхъ сортовъ, арбузы, свеклу, огурцы, морковь, рѣдьку, лукъ, бобы, кукурузу и мѣстами капусту и картофель. До прихода русскихъ сарты не знали ни капусты ни картофеля; прежде всего они стали разводить понемногу капусту, къ картофелю же долго питали недовѣріе, называя его „чортовымъ

яблокомъ“... Въ первое время послѣ завоеванія Туркестана онъ привозился для русскихъ издалека и стоилъ по 3 руб. за пудъ.

Главнѣйшимъ подспорьемъ въ сельскомъ хозяйствѣ сартовъ служатъ слѣдующіе промыслы: откармливаніе убойнаго скота, тканье грубыхъ бумажныхъ и шерстяныхъ матерій, витье аркановъ, приготовленіе войлоковъ, шелководство, пряжа нитокъ, очистка хлопка, а также извозъ. Осенью и зимою, въ свободное отъ полевыхъ работъ время, трудолюбивый туземецъ рыскаетъ по степи, собираетъ на топливо сорныя травы и кустарники, ухитряясь еще продавать ихъ на ближнихъ базарахъ...

Какъ ни трудится неутомный сартъ, но и природа ему помогаетъ. Рано начинается весна въ томъ краѣ. Въ областяхъ Сыръ-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской, гдѣ, главнымъ образомъ, проживаютъ сарты, полевая работа начинается уже въ концѣ февраля или въ началѣ марта. Тогда же появляются и нѣкоторыя травы, зацвѣтаютъ понемногу миндальныя и абрикосовыя деревья. Въ маѣ наступаютъ уже жары и самая большая прибыль воды въ рѣкахъ; въ горахъ усиленно таетъ тогда снѣгъ. Въ этомъ же мѣсяцѣ посѣваютъ и ячмень, абрикосы и тутовья ягоды. Въ іюнѣ уже готова пшеница, въ іюль—виноградъ и

кукуруза. Эти два мѣсяца самые невыносимые по своей жарѣ, когда и по ночамъ страшная духота не даетъ покоя, а безчисленное множество комаровъ и мошекъ окончательно донимаетъ людей и животныхъ. Въ августѣ жить становится легче: днемъ жара уже не такъ мучаетъ, ночи прохладнѣе, понемногу исчезаютъ и комары. Осень, сухая и теплая, начинается здѣсь съ октября; къ концу этого же мѣсяца дозрѣваютъ хлопчатникъ и рисъ. Въ концѣ ноября или началѣ декабря наступаетъ зима, которая длится до половины или конца февраля. Въ горныхъ мѣстахъ лѣто короче и менѣе знойное, зима же длиннѣе и суровѣе: мѣстами уже не вызрѣваютъ рисъ, дыни, виноградъ, гранаты и хлопчатникъ, а вмѣсто нихъ сѣютъ ленъ и просо. И чѣмъ выше, тѣмъ ближе подходитъ природа къ нашей; а на высотѣ 7000 футовъ можно встрѣтить и нашихъ сѣверныхъ знакомцевъ—березу, ель и рябину.

Послѣ земледѣлія самымъ распространеннымъ занятіемъ у сартовъ служитъ торговля—какъ между своими, въ Туркестанѣ, такъ и на вывозъ. Самыми выгодными предметами торговли считаются въ городахъ—хлѣбъ, а въ селеніяхъ—мясо. Едва бѣднякъ—земледѣлецъ убрался съ новымъ урожаемъ, онъ старается сбыть поскорѣе часть зерна: надо заплатить подати, да и другихъ нуждъ набралось

немало. Вотъ тутъ-то на помощь къ нему и являются торговцы-скупщики зерна. А, смотришь, оглянуться не успѣетъ нашъ пахарь-горемыка, какъ подошла весна... Свой хлѣбъ давно уже подобрался, и опять плетется онъ все къ тому же благодѣтелю скупщику, и платитъ за свое же зерно уже втридорога...

Торговля мясомъ также идетъ бойко, несмотря на то, что законы магометанской вѣры крайне не одобряютъ этого рода занятій. Не говоря уже о городахъ, нѣтъ почти ни одного селенія, гдѣ не было бы мясника, и больше всего процвѣтаютъ эти торговцы тамъ, гдѣ большія запашки. Въ убойномъ скотѣ прежде всего цѣнится сало, а потомъ уже мясо, такъ какъ сало у сартовъ служитъ главной частью всякаго хорошаго кушанья. Лишь только въ маѣ поспѣваетъ ячмень, крестьянинъ-сартъ начинаетъ понемножку обмѣнивать его на мясо, да дѣло въ томъ, что мясникъ продаетъ свой товаръ по рыночной цѣнѣ, а зерно принимаетъ гораздо ниже настоящей. И такъ дѣло обстоитъ не съ однимъ только ячменемъ, а и съ прочими предметами сельскаго хозяйства, по мѣрѣ ихъ созрѣванія. До поздней осени таскаетъ бѣднякъ на базаръ пшеницу, ленъ и прочее добро, пока не перетаскаетъ понемножку большую часть собраннаго урожая; а тамъ наступаетъ печальная пора долгихъ

зимнихъ и весеннихъ голодовокъ... Вся бѣда въ томъ, что услужливые люди навезутъ всякаго товара какъ разъ въ такое время, когда у земледѣльца только что убранъ урожай, и не на деньги идетъ тамъ торгъ—денегъ бѣдняку откуда взять?— а на зерно. А другая еще бѣда, что бѣднякъ-сартъ мало привыкъ думать о черномъ днѣ; къ голодовкамъ ему не привыкать стать и, по невѣжеству своему, онъ такъ разсуждаетъ: „Коли суждено прожить, стало-быть, проживу и ни съ холоду ни съ голоду не помру!“ Вотъ бы кому вспомнить славную русскую поговорку: „На Бога надѣйся, а самъ не плошай!“

Много народу занимается еще барышничествомъ и мелкимъ торгашествомъ: перепродаютъ разный скотъ, зерно мелкими частями, бумажныя матеріи и другой товаръ. Занимаются этимъ, по большей части, или земледѣльцы, почему-либо отбившіеся отъ земли, или же безземельные горожане. Изъ селенія въ селеніе снуетъ такой неутомимый торгошъ, побываетъ на всѣхъ базарахъ, цѣлый день божится, порою обвѣшиваетъ и обмѣриваетъ, а, смотришь, иной день чистаго барыша наберется не больше двугривеннаго...

По закону никакая купля и продажа не могутъ происходить заглазно, на дому: сбываемый товаръ всегда долженъ находиться налицо. Кромѣ того,

Коранъ совѣтуетъ при совершеніи торговыхъ сдѣлокъ приглашать двухъ свидѣтелей, которыхъ не всегда можно найти на дому. Вотъ почему мѣстомъ торговли у сартовъ и служатъ, главнымъ образомъ, базары, лавки и торговые ряды. Для искорененія обмана, а также, чтобы не причинить убытка тѣмъ купцамъ, которые почему-либо не могутъ торговать по вечерамъ, законъ назначаетъ время для торговли отъ восхода до заката солнца. И дѣйствительно, едва только солнце скрылось изъ глазъ, всякій богобоязненный сартъ закрываетъ свою лавку.

Много хорошихъ постановленій содержитъ насчетъ торговли магометанскій законъ. Такъ, напр., нельзя продавать хлѣбъ на корню или другой какой бы то ни было товаръ оптомъ, а лишь такой, который можетъ быть точно осмотрѣнъ, сосчитанъ или измѣренъ. Если иной обыватель вздумаетъ продавать участокъ земли, садъ или домъ, вообще—какую-либо недвижимость, то прежде всего право на покупку считается за сосѣдами; только послѣ ихъ отказа могутъ уже приобрѣтать и другія лица.

Какъ только продавецъ и покупатель заключили сдѣлку, присутствующіе при этомъ свидѣтели обязаны обратиться къ купцу съ вопросомъ: „Продали ли вы?“ „Купили ли вы?“—спрашиваютъ они затѣмъ, обращаясь къ покупателю. И лишь только

когда первый отвѣтитъ „продать“, а второй— „купить“, дѣло считается поконченнымъ.

Еще сравнительно въ недавнее время сарты твердо исполняли всѣ эти правила, но теперь они, къ сожалѣнію, соблюдаютъ ихъ уже не такъ рьяно, и то больше для видимости. До завоеванія Туркестана русскими за торговлей, какъ и, вообще, за поведеніемъ жителей, слѣдили особые ханскіе чиновники, *райсы*, которые жестоко наказывали за обвѣщиваніе или обмѣриваніе покупателей. Но съ приходомъ русскихъ, когда надъ сартами перестала уже висѣть грозная плеть ханскихъ слугъ, уменьшилась и честность купцовъ: на базарахъ то и дѣло стали обвѣщивать и обмѣривать, куски матерій ткутся все короче да короче, и обманъ понемногу выступаетъ все смѣлѣе да смѣлѣе...

Однако, обычай совершать продажу и куплю при свидѣтеляхъ до сихъ поръ еще прочно сохранился въ народѣ; порою бываетъ, что сдѣлка потому только не можетъ состояться, что подъ рукой нѣтъ двухъ свидѣтелей, безъ которыхъ обѣ стороны никакъ не могутъ столкнуться. Благодаря этому обычаю, созданся для многихъ сартовъ особый промыселъ *свидѣтеля*. Такихъ записныхъ свидѣтелей можно встрѣтить на любомъ конномъ или бараньемъ базарѣ; они снуютъ въ толпѣ, выслѣживаютъ, гдѣ совершается торгъ, и, замѣтивъ поживу,

вырастаютъ тутъ какъ тутъ. Уговаривая торгующихся, они торопятъ ихъ согласиться и при этомъ не только не церемонятся, а порою еще ругаются, если дѣло затягивается слишкомъ долго.

Замѣтивъ, что торгъ понемногу налаживается, смысленный свидѣтель хватается торгующихся за руки, соединяетъ ихъ воедино, наскоро выкрикивая: „продали ли?“, „купили ли?“, послѣ чего дѣло считается законченнымъ, и, получивъ за свой трудъ положенную плату, свидѣтель исчезаетъ въ толпѣ, торопясь къ другому барану или лошади. Но по закону, въ случаѣ нужды, онъ обязанъ и даромъ оказывать помощь торгующимся. Само-собою разумѣется, розничная продажа мяса, хлѣба, овощей, обуви, матерій и проч. обходится всегда безъ сви-

дѣтелей: не говоря о томъ, что это было бы слишкомъ накладно, но и розничныя цѣны на эти предметы всѣмъ уже всегда извѣстны въ точности.

Кромѣ всего описаннаго, сарты занимаются еще шелководствомъ, тканьемъ бумажныхъ, полупелковыхъ и шелковыхъ матерій и всевозможными ремеслами. Изъ нихъ нѣкоторыя, какъ, напр., штукатурныя и лѣпныя работы, всецѣло находятся въ Туркестанѣ только въ ихъ рукахъ. Лѣпныя украшенія, которыми мастера-сарты отдѣлываютъ жилища богатыхъ туземцевъ, прямо замѣчательны по чистотѣ, тонкости и красотѣ работы. Сарты также хорошіе каменщики и плотники, но къ столярнымъ и токарнымъ работамъ они пока еще не совсѣмъ приспособились, хотя порою встрѣчается у нихъ очень мелкая и красивая работа, не только по дереву, но и по металлу. Не знакомы еще сарты съ кровельнымъ, малярнымъ и печнымъ мастерствомъ; но нечего сомнѣваться, что, при ихъ смышленности и искусствѣ, они со временемъ переймутъ у русскихъ и эти работы, и тогда трудно будетъ тамъ тягаться съ ними нашимъ русскимъ рабочимъ: сартъ неприхотливъ, онъ меньше тратитъ на себя, чѣмъ русскій, да и водки не пьетъ; въ былое время онъ работалъ ради одной только пищи...

Чтобы покончить съ занятіями сартовъ, намъ

остается еще прибавить, что нынѣ среди нихъ появились, къ сожалѣнію, и ростовщики, хотя Коранъ строго запрещаетъ заниматься этимъ позорнымъ ремесломъ. Но жизнь дѣлаетъ свое дѣло: придетъ нужда, и тянется бѣднякъ къ ростовщику, и беретъ тотъ съ него лихву огромную. А тамъ дальше— больше, и не успѣлъ такой горюнь оглянуться, какъ самъ надѣлъ себѣ петлю на шею и затягиваетъ ее все туже да туже...

А давно ли было то блаженное время, когда займетъ сартъ денегъ, да самъ еще отъ займодавца и расписку беретъ въ томъ, что долженъ онъ ему столько-то, а срокъ уплаты и ростъ такой-то! И считалось тогда, что, имѣя въ рукахъ такую расписку, должникъ можетъ быть спокоенъ, что не взыщутъ съ него больше, чѣмъ слѣдуетъ. И по сейчасъ еще далеко не старые люди хорошо помнятъ этотъ обычай, и не стоналъ тогда бѣднякъ-сартъ подъ гнетущею рукой неумолимаго кулака, какъ теперь...

ублажать его. По повѣрью этого народа, давать ребенку плакать—большой грѣхъ; поэтому стоитъ только новорожденному заплакать, какъ тотчасъ же его хватаютъ на руки, укачиваютъ и чѣмъ только возможно стараются унять. Вотъ почему сартовскія

ГЛАВА VI.

Воспитаніе и обученіе.—Народный судъ.—Жизнь при ханахъ.—Нравы и обычаи.

АРТЫ народъ необыкновенно чадолюбивый: дѣтей своихъ, особенно малышей, они балуютъ до того, что тѣ нерѣдко прямо отбиваются отъ рукъ и перестаютъ слушаться старшихъ. И что удивительнѣе, всего больше балуютъ дѣтей бѣдняки-земледѣльцы. Если такого отца упрекнуть во вредномъ баловствѣ ребятъ, то онъ отвѣтитъ вамъ: „Что же дѣлать! У богатыхъ есть земля, сады, лошади, бараны—все это они хслятъ и любятъ не меньше семьи; на долю же бѣдняка остаются одни только дѣти; больше ему нечего любить!“ Однако, родителямъ отъ такой любви не легче—дѣти не рано становятся помощниками имъ.

Съ матерью дѣти, по большей части, живутъ дружныѣе, чѣмъ съ отцомъ. Да и неудивительно: уже съ первыхъ дней жизни ребенка мать начинаетъ

дѣти и начинаютъ поздно ходить: всѣ въ семьѣ няньчатся съ малышомъ и вѣчно таскаютъ его по рукамъ.

Но вотъ ребенокъ начинаетъ понемногу подрастать, уже прорѣзываются зубы. Если онъ при этомъ прихворнетъ, что, какъ извѣстно, случается очень часто, то чадолюбивая мать лѣчитъ его довольно дикими средствами: посыпаетъ мукой, отчитываетъ, а если это не помогаетъ, то купаетъ его въ теплой крови только что зарѣзаннаго въ

пищу животнаго... Какъ только ребенку минулъ годъ, ему въ первый разъ стригутъ волосы, а раньше считается грѣхомъ; при этомъ устраивается цѣлое торжество, ради котораго готовится любимое народное кушанье—палау. Стрижетъ малыша не мать, а дѣдъ или отецъ—словомъ, кто-либо изъ старшихъ мужчинъ въ домѣ; на вискахъ оставляется по пучку волосъ, и, какъ только они подрастутъ, ихъ заплетаютъ въ косички. У дѣвочекъ къ нимъ подвѣшиваютъ кораллы, разныя бусы и другія украшенія; лѣтъ съ восьми ихъ совсѣмъ перестаютъ стричь и отпускаютъ волосы.

Лишь только ребенокъ становится крѣпко на ноги, мать заботится уже о немъ гораздо меньше. Съ этихъ поръ, напримѣръ, она почти совсѣмъ перестаетъ купать его, но зато самъ малышъ продѣлываетъ это въ полное свое удовольствіе: лѣтомъ, въ какомъ-нибудь мутномъ арыкѣ, можно видѣть, какъ цѣлыми часами барахтаются сартовскія дѣтишки безъ всякаго присмотра. Года въ 4 ребенка впервые обуваютъ и то только зимою, лѣтомъ же еще долго придется ему щеголять босикомъ; и это не только въ бѣдныхъ, но и довольно зажиточныхъ семьяхъ.

Вотъ, наконецъ, малышъ подросъ и уже сталъ толково говорить; сейчасъ же родители начинаютъ обучать его главнымъ правиламъ вѣры и необхо-

димымъ молитвамъ; кромѣ того, ребенку внушаютъ разныя правила вѣжливости: здороваться съ гостями, не трогать лакомствъ, которыми ихъ потчуютъ, и т. д.

Большой охотникъ маленькій сартъ до улицы и игръ: разъ только онъ мало-мальски сытъ и на дворѣ не очень холодно, онъ такъ и поровитъ улизнуть на улицу, гдѣ поджидаютъ его товарищи. И самая страшная жара ему нипочемъ: лѣтомъ, когда все живое, казалось бы, вотъ-вотъ совсѣмъ истомится отъ невыносимаго зноя, сартовскіе ребятишки преспокойно сидятъ себѣ съ непокрытыми головами, а зачастую и совсѣмъ-таки голые, посреди улицы и копошатся въ тучахъ пыли...

Самыя любимыя игры—это въ мячъ, бабки, камешки и прятки; раннею весной мальчики очень любятъ также пускать змѣя, на что они большіе искусники: змѣи вырѣзываются ими въ видѣ птицы, дракона и т. д. Весело смотрѣть на игры сартовскихъ ребятишекъ—всѣ онѣ сопровождаются всевозможными припѣвами, пѣсенками и прибаутками, отчего оживленіе еще больше увеличивается. Очень любятъ также дѣти загадывать и отгадывать загадки, а въ длинные зимніе вечера нѣтъ большаго удовольствія у малышей, какъ слушать и рассказывать сказки. Сартовскія сказки очень похожи на наши русскія: тутъ и баба-яга, и золотая рыбка, и коверъ-самолетъ, и прочія волшебства.

Лѣтъ съ 8—9 дѣвочки уже перестаютъ играть съ мальчиками, а забавляются только съ подругами, все больше игрою въ куклы. Мы уже знаемъ, что сартовскія дѣвушки выходятъ замужъ очень рано—съ 12—13 лѣтъ она считается уже невѣстой—поэтому и немудрено, что до самой свадьбы дѣвочка не перестаетъ играть въ куклы, порою же продолжаетъ это занятіе и послѣ замужества. Съ этихъ же лѣтъ, т.-е. 8—9, мать понемногу начинаетъ приучать дочь къ тѣмъ работамъ, которыми ей придется заниматься въ будущемъ: она учится шить, очищать хлопокъ, прядь и т. д.

Годамъ къ 10 дѣвочка начинаетъ уже причесывать голову, какъ взрослая. Въ богатой семьѣ она въ этомъ же возрастѣ надѣваетъ и различныя украшенія, до которыхъ такія страстныя охотницы сартянки. Съ этихъ же поръ маленькая щеголиха начинаетъ привыкать подкрашивать себѣ брови и ресницы. Если родители собираются поскорѣе отдавать ее замужъ, то начинаютъ набавлять ей года. Въ 12—13 лѣтъ городская дѣвица закрываетъ себѣ лицо сѣткой, закутывается въ халатъ совсѣмъ съ головой и считается совершеннолѣтнею.

Если дѣвочка старшая въ семьѣ, то положеніе ея довольно завидное: младшіе братья и сестры уважаютъ и слушаются ея—иногда даже больше, чѣмъ матери. Но бѣда, если у нея есть старшій

братъ, тогда дѣло ея совсѣмъ не весело: никакого голоса въ семьѣ она не имѣетъ, а считается только нянькой и помощницей матери; замѣчая все это, маленькія дѣти ея совершенно не слушаются и ни во что не ставятъ, а весь почетъ переходитъ къ старшему брату.

Школы у сартовъ бываютъ двухъ родовъ—*низшія* или *приходскія*, которыя находятся при каждой мечети, и *высшія* школы, имѣющіяся только въ городахъ и большихъ базарныхъ селеніяхъ. Приходская школа, по большей части, строится тѣмъ же самымъ лицомъ, которое построило и самую мечеть; она состоитъ изъ комнаты, гдѣ могутъ помѣститься отъ 10 до 30 учениковъ. Во время занятій дѣти сидятъ близко другъ къ другу прямо на полу, поджавъ подъ себя ноги, и читаютъ все разомъ вслухъ, такъ что гулъ стоитъ кругомъ невообразимый. Обученіе въ такой приходской школѣ тянется отъ 2 до 5 лѣтъ, и занятія идутъ каждый день, кромѣ пятницъ и другихъ праздниковъ.

Рано начинается ученіе въ школѣ: лишь только взошло солнышко, маленькій сартъ уже бѣжитъ учиться. Часовъ въ 10—11 утра учениковъ отпускаютъ по домамъ завтракать; въ полдень они

снова уже въ школѣ и остаются тамъ часа на два, а бываетъ, что и до самаго вечера: наука не легко дается сартовскимъ ребятамъ... Лѣтомъ иногда, по уговору съ родителями, учениковъ отпускаютъ мѣсяца на два; за это время дѣти поправляются на волѣ и съ радостью отдыхаютъ отъ непосильнаго ученія.

Въ учителя школы приглашаютъ, обыкновенно, своего же приходскаго имама или его помощника; если же они почему-либо отказываются, тогда только назначается постороннее лицо. При каждой школѣ чаще всего имѣется одинъ только учитель, но если дѣтей много, то онъ выбираетъ себѣ помощниковъ изъ лучшихъ старшихъ учениковъ. Въ тѣхъ селеніяхъ, которыя отстоятъ далеко отъ города, трудъ учителя оплачивается очень недурно, такъ какъ тамъ мало грамотнаго люда; но плата учителю производится не деньгами, какъ у насъ, а почти всегда хлѣбомъ: за каждаго ученика полагается не меньше пуда пшеницы въ годъ, да еще кромѣ того, родители время отъ времени дѣлаютъ ему небольшіе подарки—то деньгами, то разными припасами. А такъ какъ учениковъ въ школѣ человѣкъ 30, а порою и до 40, то живетъ такому учителю очень недурно. Кромѣ всего этого, существуетъ еще у сартовъ такой обычай: каждый годъ, передъ наступленіемъ Рамазана, учитель составляетъ стихи, а

ученики наканунѣ этого праздника расхаживаютъ по своему приходу и громко распѣваютъ ихъ, собирая за это всевозможные припасы, которые они отдаютъ своему учителю. Въ стихахъ этихъ поется такъ:

„Прошелъ мѣсяць Рамазанъ,
Пришелъ праздникъ Рамазанъ;
Дайте мнѣ праздничный подарокъ—
Я отдамъ его своему учителю,
А васъ Богъ вознаградитъ
За мое ученье въ день суда!“

Въ городахъ дѣло обстоитъ иначе: тамъ плата полагается учителю не разъ въ годъ, а понедѣльно. Каждый четвергъ ученики приносятъ ему денегъ, хлѣба и риса, смотря по достатку своей семьи. Кромѣ того, существуетъ еще обычай дѣлать учителю небольшіе подарки за каждую выучку отдѣльно. Такъ, напр., прочитаетъ ученикъ весь Коранъ — родители несутъ ему подарокъ; кончитъ книгу, гдѣ изложены правила омовенія, поста и молитвъ — опять полагается подарокъ и т. д.

Рано отдаетъ сартъ своего сына въ школу: еще 8 лѣтъ не мибуло ребенку, а ужъ отецъ беретъ блюдо любимаго народнаго кушанья палау, либо другой какой гостинецъ, и приводитъ мальчика къ учителю. Поздоровавшись и вручивъ принесенный подарокъ, отецъ ведетъ такую рѣчь: „Вотъ, господинъ, нашъ ребенокъ — поручаемъ его вамъ.“

Учите его, бейте, сколько хотите: мясо его ваше, а кости—наши!“ Можно себѣ представить, каково это слушать малыша, который впервые переступил порог школы! Немало, должно-быть, пугаетъ его будущая наука... Нечего говорить, что учителя отъ даннаго имъ права не отказываются, и въ сартовской школѣ направо и налево раздаются не только щелчки и рванье за уши, но и изрядные побои...

Вотъ привели малыша въ школу. Жутко ему вначалѣ, въ особенности послѣ страшныхъ словъ отца. Начинается первый урокъ. Учитель беретъ мальчика за руку и велитъ повторять за собою первый стихъ изъ Корана.

„Хвала Богу—властителю вселенной!..“—бормочетъ съ грѣхомъ пополамъ испуганный ребенокъ вслѣдъ за учителемъ совершенно непонятныя для него слова... Затѣмъ начинается обученіе азбукъ. Ученику даютъ деревянную дощечку, на которой учитель перомъ надписываетъ буквы; полагается такая дощечка—по большей части, на двоихъ. Черезъ полгода ученикъ беретъ въ руки первую книгу, Коранъ на арабскомъ языкѣ, котораго онъ совершенно не понимаетъ; нерѣдко тѣмъ же грѣшенъ и самъ учитель, а если и понимаетъ, то очень плохо.

Когда ученикъ научился уже достаточно бѣгло читать, то приступаютъ къ письму; счету же въ

сартовскихъ приходскихъ школахъ совсѣмъ не обучаютъ. Кромѣ чтенія священныхъ книгъ, школьники заучиваютъ наизусть персидскіе стихи, которые у этого народа пользуются большимъ почетомъ. Каждая книга, какъ прежде дощечка, также полагается на двоихъ учениковъ.

Окончивъ приходскую школу, большинство учениковъ принимается за обычныя занятія сартовъ. Если же кто захочетъ избрать себѣ ученую дорогу, то поступаетъ въ высшую школу или *медресе*. Тамъ юноша обучается арабскому языку, богословію и разнымъ законамъ, все на томъ же мудреномъ для него языкѣ. Въ городахъ имѣется по нѣскольку такихъ школъ, и строятся онѣ опять-таки при мечетяхъ; въ каждой изъ нихъ нерѣдко до 100 и больше учениковъ и до 10 учителей. И въ большихъ базарныхъ селеніяхъ всегда найдется по такой школѣ, съ однимъ учителемъ и отъ 5 до 15 учениковъ.

Построить медресе считается у сартовъ дѣломъ богоугоднымъ; поэтому, раньше всѣ эти школы строились ханами или же просто богатыми людьми. При этомъ еще жертвователю отводилъ, обыкновенно, школѣ и землю, доходы съ которой идутъ не только въ пользу учителей, но и учениковъ; такое недвижимое имущество называется *вакуфомъ*. Самое зданіе школы строится изъ обожженнаго кирпича, съ неизмѣнною плоской крышей. Ученики принимаются

не моложе 14—15 лѣтъ и такъ же, какъ учителя, живутъ тутъ же, для чего при школѣ устроены особыя кельи; въ каждой изъ нихъ помѣщается отъ 1 до 4 человекъ. Обученіе въ медресе длится очень долго, и находятся порою такіе любители, что и на всю жизнь остаются тамъ, благо получаютъ готовое содержаніе.

Однако, питаются ученики довольно плохо. Общаго стола не полагается, а каждая келья кормится своей артелью и часто готовитъ ѣду тутъ же у себя. Но бываетъ и такъ, что въ одной кельѣ живутъ по трое, а ѣдятъ всѣ врозь. Вся пища состоитъ изъ чая, хлѣба, сушеныхъ и сырыхъ плодовъ, и только изрѣдка полагается излюбленный палау или другое какое-либо сытное блюдо. Зато ученаго сарта всегда и по одному виду узнать легко: лицо у него замороженное и блѣдное, руки бѣлыя, не рабочія, и одѣтъ онъ, если и бѣдно, то всегда опрятно. А начнетъ говорить, то и дѣло вставляетъ въ свою рѣчь разныя арабскія и персидскія слова—говоритъ такъ тихо и вѣжливо...

Послѣ завоеванія Туркестана русскими, наше правительство мало-по-малу стало открывать еще такъ-называемыя *русско-туземныя* школы, гдѣ бы сарты могли обучаться и русской грамотѣ. Первая такая школа открыта была въ Ташкентѣ въ 1884 г. Первыми учениками въ ней были 39 мальчиковъ—

все дѣти именитыхъ сартовъ, которые захотѣли подать тѣмъ добрый примѣръ своимъ сородичамъ. Нечего говорить, долго косились туземцы на эти новыя школы, но мало-по-малу поняли, какую пользу принесетъ ихъ дѣтямъ знаніе русскаго языка. Прежде всего, наше правительство стало назначать на туземныя должности тѣхъ сартовъ, которые знакомы были съ русскою грамотой. Да и торговля съ русскими годъ отъ году все расширяется, и вотъ тутъ-то туземцы увидали, насколько трудно будетъ обойтись ихъ дѣтямъ безъ знанія русскаго языка. Такъ-что въ настоящее время школы эти не только не пустуютъ, но, наоборотъ, открываются все новыя да новыя. А нѣкоторые почетные и болѣе образованные сарты отдають своихъ сыновей и въ русскія гимназіи.

Въ русско-туземныхъ школахъ русскіе учителя обучаютъ чтенію и письму по-русски, а также и счету. Кромѣ того, туземные муллы учатъ и магометанскому Закону Божию, что очень привлекаетъ въ эти школы сартовъ.

Но зато для дѣвочекъ въ дѣлѣ обученія сдѣлано еще очень мало. Далекое не всѣ родители считаютъ нужнымъ обучать дочерей даже родной грамотѣ, а если ужъ кто надумаетъ, то посылаетъ дѣвочку къ учительницѣ (туземной) на домъ; особыхъ же школъ не полагается. Ученіе ведется почти такъ

же, какъ и въ мужскихъ приходскихъ школахъ. Но какъ ни учатся сартовскія дѣвочки, а очень рѣдко выходятъ изъ нихъ хорошия грамотейки—научаются онѣ только съ грѣхомъ пополамъ читать Коранъ, иногда даже лишь одну какую-нибудь часть его, при чемъ читаютъ, совсѣмъ не понимая, безъ всякаго смысла. Остальныя же книги онѣ разбираютъ съ большимъ трудомъ, а еще рѣже научаются письму. Однако, несмотря на все это, среди сартовскихъ женщинъ попадаются и знаменитыя: дѣтъ 85 тому назадъ были двѣ писательницы, стихи которыхъ и до сей поры очень высоко цѣнятся туземцами. Одна изъ нихъ прославилась до того, что являлась даже къ ханскому двору, а такъ какъ женщинамъ запрещенъ, по обычаю, доступъ въ общество мужчинъ, то она переодѣвалась въ мужское платье и приходила съ открытымъ лицомъ. Самъ ханъ отдавалъ ей большія почести и даже награждалъ ее геберальскимъ чиномъ...

Послѣ завоеванія Туркестана наше правительство оставило сартамъ ихъ *народный судъ*, съ которымъ они крѣпко сроднились.

Когда туземецъ вздумаетъ затѣять съ кѣмъ-нибудь тяжбу, онъ прежде всего отправляется къ *муфтию*. Обязанность этого судебного лица состоитъ въ томъ,

что онъ долженъ написать тяжущимся прошенія, а потомъ справиться въ магометанскомъ законѣ, справедлива ли заявленная жалоба или нѣтъ. Отыскавъ отвѣтъ, муфтиѣ надписываетъ его на прошеніи, которое передаетъ *казію* или народному судѣ. Тотъ выслушиваетъ обѣ стороны, рѣшаетъ дѣло и закрѣпляетъ его своею печатью на прошеніи. У казія имѣется еще помощникъ, который по туземному называется *агламъ*,—онъ тоже даетъ свой совѣтъ при рѣшеніи дѣла, а на случай болѣзни казія или отпуска—замѣщаетъ его. Вотъ изъ этихъ-то трехъ лицъ и состоитъ народный судъ у сартовъ. Жалованья имъ отъ казны никакого не полагается, а вознагражденіе за веденіе дѣлъ они получаютъ отъ тяжущихся, при чемъ плата—или по таксѣ, утвержденной русскими властями, или же по взаимному соглашенію.

Прежде на всѣ эти должности назначало само правительство, теперь же онѣ выборныя. Число казіевъ въ городахъ бываетъ различно, смотря по количеству жителей, а въ селеніяхъ—по одному на каждую волость. Подсудны народнымъ судамъ дѣла о разводѣ, а также денежные иски не свыше 100 р. Если же кто взыскиваетъ съ кого-либо больше этой суммы, то онъ обращается уже въ *уздный създъ казіевъ*. Туда же обращаются и тѣ лица, ко-

торыя остались недовольны первоначальнымъ рѣшеніемъ суда.

Всѣ *уголовныя* дѣла сартовъ, а также иски между *ними* и *русскими*, вѣдаются уже нашими русскими судами.

До покоренія Туркестана русскими, еще при ханскомъ владычествѣ, жизнь сартовъ была крайне тяжела: за поведеніемъ жителей наблюдали особые ханскіе слуги, называвшіеся по-туземному *раисами*. На должность эту назначались, обыкновенно—люди богобоязненные, извѣстные своимъ хорошимъ поведеніемъ и вполнѣ знакомые съ законами магометанской вѣры. Раисы эти зорко наблюдали—посѣщаютъ ли жители всѣ установленныя службы въ мечети, и слѣдили тутъ не только за прихожанами, но и за самими священнослужителями. Стоило только раису узнать, наприимѣръ, что какой-нибудь имамъ торопится во время богослуженія, неясно произносить молитвы или просто недостаточно радѣеть о духовныхъ дѣлахъ своихъ прихожанъ, какъ, провѣривъ эти слухи, онъ тотчасъ же доносилъ казію. Тотъ вызывалъ къ себѣ провинившагося имама для вразумленія, а то и прямо назначалъ на его мѣсто другого. Каждое утро раисъ являлся обыкновенно

въ ту или другую мечеть, слѣдилъ за богослуженіемъ и молящимися. Если все обстояло благополучно, то раисъ тутъ же, по окончаніи службы, справлялся у имама—усердно ли молятся его прихожане и аккуратно ли посѣщаютъ мечеть. Бѣда, если случался при этомъ нерадивый прихожанинъ: имамъ указывалъ на него грозному раису, и его отводили къ казію... Если же виновный сидѣлъ въ это время дома, то его разыскивали и все-таки приводили для вразумленія.

Вотъ выискался такой смѣльчакъ, не убоавшійся суроваго раиса. Его приводятъ къ казію, и тотъ начинаетъ увѣщевать его, а виновный кается и обѣщаетъ непременно исправиться на будущее время... Хорошо, если онъ одумается и сдержитъ слово, а нѣтъ—снова потянутъ его на судъ и такъ до трехъ разъ. Далѣе раисъ уже прямо получалъ приказъ наказать палочными ударами дерзкаго ослушника... Впрочемъ, смотря по желанію, казіи могъ и сразу примѣнять такое наказаніе, безъ всякаго предварительнаго вразумленія.

Но не за одними только дѣлами вѣры слѣдили вездѣсущіе раисы. Они вмѣшивались въ жизнь каждой отдѣльной семьи, давали родителямъ наставленія, какъ имъ воспитывать своихъ дѣтей, наблюдали, правильно ли посѣщаютъ ученики школы. Неутомимые ханскіе слуги проникали повсюду, рыскали

по школамъ, выслѣживая и увѣщевая нерадивыхъ учениковъ.

Наблюденіе за торговлей также лежало на нихъ. На базарѣ, передъ испуганнымъ торговцемъ, то и дѣло точно изъ земли выросталъ грозный раисъ съ толстою палкой въ рукахъ, осматривалъ мѣры и вѣсы, слѣдилъ за самымъ товаромъ. И бѣда, если кто-либо попадался хоть въ малѣйшемъ грѣхѣ! Виновный тутъ же, на мѣстѣ преступленія, подвергался суровому наказанію... Стоило, напримѣръ, замѣтить раису, что вѣсъ продаваемыхъ лепешекъ меньше установленнаго, какъ онѣ тутъ же отбирались у провинившагося торговца, разламывались на куски и раздавались бѣднымъ...

Но едва заходило солнце и ночь опускалась на землю, оканчивалась и служба раисовъ. На смѣну имъ выходили новые ханскіе слуги—*курбаши*, слѣдившіе за порядкомъ въ ночное время. Ночью курбаши считался главнымъ начальникомъ и имѣлъ себѣ въ подмогу большое число полицейскихъ, смотря по величинѣ города. Такъ, напримѣръ, въ городѣ Ташкентѣ, до прихода туда русскихъ, въ распоряженіи курбаши состояло 400 полицейскихъ; на каждую сотню выбирался сотникъ, который и разсылалъ подвластную ему сотню по разнымъ улицамъ своего околотка.

Можете представить себѣ, какъ тяжела была

въ то время жизнь сартовъ! Рьяный курбаши строго исполнялъ свою службу. Еще солнышко только близилося къ закату, а уже онъ отдавалъ приказъ бить въ большой барабанъ. Этимъ остававшіеся еще на улицахъ жители оповѣщались, что они должны убираться восвояси и запираить ворота. Съ первымъ же боемъ барабана торговля приканчивалась, и лавки запирались.

Но вотъ, наконецъ, замолкли грозные звуки барабана... Тихо стало въ воздухѣ, но самъ курбаши не дремлетъ... Онъ лично или его сотники съ полицейскими обходятъ дозоромъ свои участки и хватаютъ направо и налево всѣхъ, кто только попадется имъ навстрѣчу.

Вы подумаете, быть можетъ, что такой строгій надзоръ и днемъ и ночью за поведеніемъ жителей уничтожалъ въ корнѣ всякій порокъ и преступленіе? Ничуть не бывало! Дѣйствительно, на улицахъ было меньше криковъ, драки и другихъ безобразій; дурные люди старались укрыться подальше отъ строгихъ взоровъ ханскихъ слугъ, но уничтожить порокъ и преступленіе имъ, конечно, не удавалось. Однако, все же приходится сказать, что все дурное въ то время больше скрывалось, чѣмъ послѣ завоеванія края русскими. Наше правительство тотчасъ же, разумѣется, уничтожило эти жестокия должности ханскихъ слугъ; исчезъ и грозный

барабанъ, наводившій трепеть на жителей. Сарты вздохнули свободнѣе, но зато и стѣсняться стали меньше: люднѣе стало по вечерамъ на улицахъ, но не такъ уже спокойно спится теперь мирному горожанину...

Намъ уже хорошо извѣстно теперь житье-бытье сартовъ; скажемъ еще нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ нравахъ и обычаяхъ этого трудолюбиваго и честнаго народа.

Когда къ сарту прѣзжаетъ гость, его принимаютъ на мужской половинѣ, и, поздоровавшись съ нимъ, хозяинъ начинаетъ заботливо справляться о всѣхъ его родныхъ. Отвѣчая на разспросы, гость также не остается въ долгу и въ свою очередь освѣдомляется у хозяина о здоровьѣ всѣхъ домочадцевъ. Едва окончились взаимныя привѣтствія, передъ гостемъ, прямо на полу, разстилается широкое цвѣтное полотенце, изъ бумажной и полушелковой матеріи, и на него ставятся и подносы съ разными излюбленными сластями сартовъ: изюмомъ, фисташками, леденцами, халвой и прочими лакомствами; тутъ же лепешки и нѣсколько блюдечекъ съ мелко наколотымъ сахаромъ. Когда все подано, кто-либо изъ присутствующихъ беретъ нѣсколько лепешекъ, разламываетъ ихъ и кладетъ

опять по-прежнему, верхнею стороною наверхъ, иначе считается грѣхомъ... Точно такъ же сартъ никогда не откусить отъ цѣльной лепешки—это считается неприличнымъ, а онъ всегда сначала разломить ее на куски.

Приступая къ угощенію, гость прежде всего долженъ, по обычаю, отвѣдать лепешки, а ужъ потомъ только можетъ приняться за чай, сласти и проч. Раньше гостя никто изъ хозяевъ до ѣды не дотрогивается, и, приступая къ ней, каждый сартъ непременно шопотомъ произноситъ установленную молитву: „Во имя Бога милостиваго и милосердаго!“

Не скупится богатый хозяинъ на угощеніе. Въ большіе праздники или по случаю семейнаго торжества богачи задаютъ иногда пиры, которые обходятся во много сотенъ рублей и длятся по три дня. Собираются порою нѣсколько сотъ человѣкъ, устраиваются возможныя зрѣлища и увеселенія, при чемъ охотники сарты до конскихъ скачекъ съ призами *). Заслышавъ о томъ, что готовится такой пиръ, и знакомые и незнакомые шлютъ къ хозяину своихъ скакуновъ, въ надеждѣ заполучить богатый призъ...

Однако, женщины, по закону Магомета, не участвуютъ въ этомъ праздникѣ мужчинъ, а угощеніе

*) Призомъ называется награда за какое-нибудь искусство.
САРТЫ.

устраивается имъ особо, на ихъ половинѣ. Да и вообще, положеніе женщинъ и до сихъ поръ остается у сартовъ такимъ же подчиненнымъ, какъ и встарь; тѣмъ же самымъ, впрочемъ, грѣшатъ и другія магометанскія народности. Когда въ комнату входитъ мужъ, отецъ или другой какой родственникъ постарше ея, то женщина почтительно встаетъ предъ нимъ... Только изрѣдка выищется какая-нибудь, что называется, „бой-баба“ и поидетъ наперекоръ обычаямъ и правиламъ своей вѣры. Лѣтъ 40 тому назадъ, напримѣръ, въ одномъ селеніи умерла женщина, которая пользовалась большимъ почетомъ своихъ земляковъ. Мужъ ея былъ надсмотрщикомъ надъ арыками, т.-е. слѣдилъ за правильнымъ распредѣленіемъ воды по каналамъ. Халь-биби, такъ звали эту замѣчательную женщину, помогала ему во всѣхъ дѣлахъ службы. Но вдругъ стряслась бѣда: она овдовѣла. Халь-биби не потерялась; не долго думая, она забросила свой женскій нарядъ, нарядилась въ мужской халатъ, кушакъ и чалму, и заняла должность покойнаго мужа... Ей было въ то время уже подъ сорокъ лѣтъ, и до самой смерти служила она надсмотрщикомъ за арычною водой. И земляки ея не только не противились этому, а, напротивъ, относились къ ней съ большимъ уваженіемъ и почетомъ. Эта умная женщина сумѣла даже проторить своему сыну дорожку

въ ханскій дворецъ, и впоследствии онъ былъ назначенъ губернаторомъ города Намангана...

Кромѣ огромнаго трудолюбія, у сартовъ есть еще много и другихъ прекрасныхъ качествъ: они, по большей части, народъ трезвый, почтительны къ старшимъ и чрезвычайно честны,—недаромъ встарину за воровство отсѣкали правую руку. Природа надѣлила сарта живымъ умомъ и смѣтливостью, и при близкомъ теперь сосѣдствѣ съ русскими можно надѣяться, что въ будущемъ онъ далеко уйдетъ впередъ. До покоренія Туркестана туземцы не имѣли понятія ни о желѣзной дорогѣ, ни о телеграфѣ, почтѣ или другихъ удобствахъ, безъ которыхъ жизнь кажется теперь невысказанно всякому мало-мальски образованному человѣку. Въ настоящее же время наше правительство усердно заботится о просвѣщеніи этого народа: кромѣ русско-туземныхъ школъ, о которыхъ мы уже говорили, оно устраиваетъ всевозможныя выставки, гдѣ сарты знакомятся съ русскою промышленностью и ремеслами. Въ городѣ Ташкентѣ издается теперь газета на туземномъ языкѣ, въ которой, кромѣ распоряженій нашихъ властей, даются еще различныя полезныя свѣдѣнія. Мало-по-малу сѣтъ желѣзнодорожныхъ рельсовъ покрываетъ Туркестанъ, и нынѣ, отправляясь въ дальній путь, сартъ уже не трясется въ своей жалкой арбѣ по безконечной степи,

а садится въ поѣздъ и славить Аллаха за новыя удобства жизни... Устроены больницы и лѣчебницы, при чемъ женщины и дѣтей лѣчатъ наши женщины-врачи, и сартянка не остается уже безъ врачебной помощи; а, вѣдь, она скорѣе умретъ, чѣмъ рѣшится обратиться къ врачу-мужчинѣ...

Въ первое время послѣ завоеванія края, туземцы ходили унылые и испуганные, страшась новыхъ пришельцевъ... Они боялись за свою вѣру и обычаи, и не было конца нелѣпымъ слухамъ, которые распускали темные и злонамѣренные люди. Но, приглядѣвшись поближе къ своимъ новымъ завоевателямъ, сарты мало-по-малу успокоились и оцѣнили тѣ выгоды, которыя сулила имъ жизнь бокъ-о-бокъ съ болѣе образованнымъ и сильнымъ народомъ. Раньше страну одолѣвали смуты: разные среднеазиатскіе ханы безъ конца воевали между собою, и сарты переходили отъ одного властелина къ другому. Не было мира въ странѣ и никто не могъ быть спокоенъ за завтрашній день... Но съ приходомъ русскихъ все измѣнилось: взаимная вражда кончилась, и всякій можетъ безпечно предаваться своимъ трудамъ и заботамъ. Сарты увидели, что никто не посягнулъ на ихъ вѣру и обычаи, оставленъ имъ и народный судъ, съ которымъ такъ прочно сроднился народъ.

Теперь уже многіе туземцы ведутъ дружбу съ

русскими, бываютъ въ гостяхъ другъ у друга; именитые люди стали даже устраивать нѣкоторыя комнаты въ своихъ домахъ на русскій ладъ: обзаводятся зеркалами, столами и стульями, появляются ложки, ножи и вилки. Много простого народа живетъ въ услуженіи у русскихъ: разсылными, поварами, сторожами и т. д. Торговля процвѣтаетъ въ странѣ: одного хлопка вывозится къ намъ на фабрики на милліоны рублей; устроенъ въ Ташкентѣ заводъ для очистки этого обширнаго предмета сартовскаго хозяйства.

Много еще дѣла русскимъ въ Туркестанѣ, много еще и туземцамъ осталось поучиться у насъ. Но будемъ надѣяться, что въ будущемъ, при добромъ стараніи съ обѣихъ сторонъ, сарты, оставаясь въ своей вѣрѣ и обычаяхъ, сольются съ нами въ одну общую, дружную семью...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
ГЛАВА I. Общій видъ Туркестана.—Поля и ихъ орошеніе	3
„ II. Вѣрованія сартовъ.—Праздники и посты.—Суевѣрія	18
„ III. Жилище, одежда и пища	32
„ IV. Сватовство.—Свадьба.—Похороны и поминки	58
„ V. Чѣмъ занимаются сарты?	78
„ VI. Воспитаніе и обученіе.—Народный судъ.—Жизнь при ханахъ.—Нравы и обычаи	94
